

A soldier in a trench, wearing a dark cap with goggles and a light-colored, worn uniform. He is looking down and to the right, with his hands clasped in front of him. The background shows the interior of a trench with wooden planks and a metal structure.

18+

Андрей Дёткин

РЖАВЫЙ АНГЕЛ

Андрей Деткин

Ржавый ангел

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Деткин А.

Ржавый ангел / А. Деткин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Мир несправедлив, а в зоне к тому же и жесток. И чтобы выжить, сталкеру Грифу приходится быть изворотливым, подлым, циничным и безжалостным. Цель, она оправдывает все. Так думал Гриф, когда ходил за хабаром, отнимал его у других сталкеров и деньги отправлял в клинику на лечение дочери. Гриф думал, что в нем не осталось ничего человеческого, что его место здесь, в зоне – заповеднике монстров и убийц, но он ошибался. Что же заставит матерого ветерана разубедиться в этом, сломать мировоззрение хищника и спасти молодого сталкера Алексея? Оформление обложки и изображение авторское.

© Деткин А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1. Ничего личного	5
Глава 2. Карта	10
Глава 3. Переговоры	13
Глава 4. Сборы, походы	15
Глава 5. Берлога	20
Глава 6. Правду и только правду	23
Глава 7. Кровососы	25
Глава 8. Маловато будет	27
Глава 9. Выброс	31
Глава 10. Убежище	34
Глава 11. Откровения	36
Глава 12. Чудны дела твои, Зона	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава 1. Ничего личного

Десятикратное увеличение цейса позволяло видеть не только шрам, располосовавший левую щеку Саранчи, огонек на кончике сигареты Гошика, направление их взглядов и трехдневную щетину на угрюмых физиономиях, но и выпирающие из набитого шмотника ребра контейнеров. На плешине метрах в двадцати от мрачного корявого леска братья устроили привал и теперь собирались развести костер.

Не обращая внимания на ноющую боль в правом боку, еще с минуту Гриф рассматривал вещмешок с надорванным клапаном, подробно изучая выпуклости на плотной зеленой ткани, прошитой двойной строчкой. Затем убрал бинокль, из внутреннего кармана куртки достал целлофановый пакетик. Высыпал остатки «крапивки» на грубую, морщинистую ладонь, словно распаханную плугом, и отправил под язык. Кисло-горький привкус свел скулы, рот наполнился слюной.

Сталкер поморщился, сунул руку в боковой карман, переключил детектор аномалий на виброрежим, подбросил плечом абакан и твердым шагом направился к братьям.

Сухая трава шуршала по выдавшим лучшие времена растоптаным ботинкам. Ветки кустов проволокой скребли по пропахшей костром и табаком куртке. Усталый взгляд сталкера скользил по седому кочковатому полю. Слева в десяти шагах Гриф отметил вытянутую бурю кляксу «пыльника». Дальше, прямо и правее, выжженный пятак «жарки», еще правее рыжие колонии ядовитого хвоща, за ними парилась кислотная лужа «химки».

В который раз Гриф подумал, что зона не для человека. Все здесь стремится изжить его, погубить. Искромсать вообще любую жизнь, родить чудовищ, ставить над ними кошмарные эксперименты, убивать, снова создать мутантов ужаснее прежних, опять рвать, давить, не прекращая вечную мясорубку. Слово безумный ваятель, в ярости разрушающий скульптуру из еще сырой глины, стремящийся к умопомрачительному совершенству. «Здесь мне и место», – подумал сталкер, сплюнув зеленую кашу под ноги.

Боль утихла, в голове приятно кружилось, в теле зарождалась необузданная энергия. Его приближение заметили.

– Какими тропами, Гриф? – недружелюбно приветствовал долговязый Гошик.

Братья заметно напряглись, перестали суетиться над костром, оставили ветки, и теперь Гошик стоял в полный рост, положив руки на ствольную коробку АКМ. Саранча сидел на корточках метрах в четырех правее с дробовиком на коленях. Как бы не специально стволы смотрели в сторону гостя.

Набитого вещмешка с надорванным клапаном нигде не было видно, только худой рюкзак с распущенными завязками скромно тулился к лохматой кочке. Через раскрытую горловину виднелись грязное вафельное полотенце да край алюминиевой миски.

В кармане Грифа завибрировал детектор.

– Вот так встреча! – неоправданно радостно и громко воскликнул Гриф, вскинув руку в приветственном жесте. – А я смотрю, что за бродяги? Думаю, дай зайду на огонек.

Он смотрел на Гошика и растягивал обветренные губы в лучезарной улыбке.

– Огонька нет, если че, – все так же неприязненно отвечал Гошик, не сводя колючего взгляда со сталкера.

– И не предвидится. Шел бы ты мимо, Гриф, – посоветовал Саранча.

– Ой, как невежливо, ой, как не по-товарищески, – протянул Гриф с иронией, останавливаясь в трех шагах от Гошика.

Хотя Гриф улыбался добрейшей улыбкой, глаза смотрели цепко, не упускали ни единого движения сталкеров.

– Тамбовский волк тебе товарищ, – пробурчал Саранча.

– Ладно, парни, хорош скалиться. Вам я ничего плохого не сделал.

– Пока, – процедил Гошик.

Гриф сбросил с плеча абакан, положил на землю рядом так, чтобы было видно переводчик огня в положение «Пр». Заметил одобрение во взглядах. Затем стянул рюкзак, опустился на колено и стал распускать шнурок.

– Чтобы смягчить ваши недоверчивые сталкерские души и привнести свой вклад к столу, угощу-ка я вас... вот ни за что не угадаете чем, – он озорно взглянул на братьев, не переставая улыбаться. – Такого вы сто лет не едали.

Как бы братья ни опасались Грифа, разговор о еде, да еще с претензией на что-то сладенькое (консервы, сухпайки давно обрыдли), заставил их почти одновременно сглотнуть. Во взглядах появились любопытство и предвкушение.

Тем временем Гриф растянул горловину и сунул руку в рюкзак. Ствол АКМ дернулся и уже совсем откровенно «установился» на фигуру в брезентовой куртке. Палец с предохранительной скобы чайзера перескочил на курок.

– Та-дам, – Гриф победоносно вздернул руку вверх, сжимая кружляк краковской.

Мгновение братья еще напрягались и всматривались, а затем Гошик улыбнулся:

– Ну, раз так...

Он не договорил. Прогремел выстрел. Компактный «Вальтер ССР», спрятанный за колбасу, плюнул сталью точно промеж глаз Гошику. Передавленная краковская переломилась, упала под ноги. Жирные пальцы скользнули по рукоятке, поэтому в судьбе второй пули Гриф не был уверен. Саранча кувыркнулся назад, затем вправо, одновременно спуская курок. Заряд дроби изрешетил воздух там, где мгновение назад стоял сталкер. Гриф перекатился по жухлой траве и пустил еще три пули. В ответ грянул выстрел, заставляя прижаться к земле, втянуть голову в плечи. Гриф отполз за невысокий пригорок. Снова гроыхнуло. По взрытой земле и кружащим лохмотьям травы левее Гриф понял, что Саранча его не видит и стреляет не прицельно. Используя это обстоятельство, он быстро, насколько был способен, пополз к зарослям ржавого кустарника. За плотной стеной из веток с редким вкраплением жухлых листьев Гриф вскочил и, низко пригибаясь, побежал. Оказавшись за обожженной сосной, остановился, привалился к стволу и стал высматривать Саранчу, обтирая жирную руку о брючину.

Что-то произошло. Он словно на мгновение потерял сознание. Перед глазами все смешалось, его повело, и, чтобы не упасть, Гриф вцепился в дерево. Скрюченные пальцы процарапали кору, осыпая гарь. А потом все встало на свои места.

– Ух ты, – выдохнул сталкер и мотнул головой. Первое, о чем он подумал, это о «крапивке», прикупленной у Шары в «Светилище», от которой во рту все еще ощущалось горьковатое послевкусие.

– Ну и гнида же ты, Гриф! – крикнул Саранча. Голос звучал с придыханием, надсадно. – Я всегда знал, что ты кусок радиационного дерьма. Скажи спасибо Гошику, что не дал тебя хлопнуть... – последнее слово Саранча произнес сдавленно, замолчал, затем через несколько секунд, словно отдышался, заговорил вновь: – ...пока ты к нам тащился.

Гриф выглянул из-за сосны и внимательно вслушивался в голос, определяя местонахождение стрелка. «Все же я его зацепил, – думал он. – Вряд ли так натурально сможет притворяться». За эту версию говорило и то обстоятельство, что противник не пытался сменить позицию.

– Гниль болотная! – тем временем разорвался Саранча. – Я всегда знал, что подлее тебя в зоне нет никого. И слухи о тебе ходят верные. Мать за «мульку» продашь. Скольких «отмычек» загубил, сволочь?! Гореть тебе в аду, мразь мутантская! Если нужен наш хабар, так иди и возьми... – Саранча заперхал. На губах вздулись кровавые пузыри. Несколько красных капель родинками упали на бледную руку, сжимающую РГД с выдернутой чекой. Саранча лежал,

скрючившись на боку, обняв рюкзак с добычей. Правую обессиленную кисть дробовик придавил к земле, палец подрагивал на спусковом крючке.

Гриф возник со спины. Из ослабевших пальцев сталкера молниеносно вырвал гранату. Заметил отлетевший спусковой рычаг, швырнул смертоносную болванку в сторону леса. Всей массой навалился на Саранчу, пытающегося направить на него ствол. Прогремел взрыв, а в следующую секунду Гриф уже стоял на ногах. Вальтер в его руке твердо смотрел поверженному в голову.

– Чего, сука, медлишь? Для тебя ведь человека кончить, как вошь задавить, – простонал Саранча. Он едва держал голову. Не в силах повернуть ее, чтобы прямо посмотреть на своего палача, он сильно косил помутневшим глазом. Кашлянул кровью и уронил голову на жухлую траву. С хрипом и клокотанием выдохнул воздух. И было в этом выдохе смирение, словно ничего от этой жизни сталкеру уже не надо.

Гриф выстрелил. Мгновение – и человек превратился в гору мяса, в еду для бактерий и мутантов. Сталкер стоял неподвижно и смотрел на мертвое тело. Против братьев он ничего не имел. Их судьбу решила Тамара Викторовна Красневская, от которой на ПДА пришло «письмецо». Директор фонда «Доброе сердце» ни сном ни духом знать не могла ни Саранчу, ни Гошику, и тем более, чем аукнется ее безобидное уведомление.

Гриф закинул трофейный мешок с хабаром на плечо, обернулся ко второму брату. Несколько секунд колебался, затем подошел к Гошику. Задержал взгляд на ране, проследил багровый ручеек по бледному лбу к правому уху. Гриф не стал потрошить карманы и подсумки мертвых, подбирать их оружие, а быстрым шагом направился к месту, откуда началась вся эта свистопляска. Поднял абакан, рюкзак и зашагал прочь, не оборачиваясь.

На душе скребли кошки, это удивляло и в то же время удручало. Что-то произошло, что-то изменилось в нем за те мгновения, что укрывался за сосной. Что именно, он не мог понять. Раньше в перестрелках, драках, отнимая жизни, он не замечал за собой и намека на сострадание, а теперь в груди ворочалось что-то нехорошее, совестливое, давило и угнетало. Что случилось с ним? Занятый мыслями Гриф едва не вляпался в лужу «студня». Соляного цвета густота вытекла из-под камня и притаилась в ложбинке за травой. Лишь по отблеску мутного солнца Гриф среагировал. Сделал широкий шаг и перепрыгнул. В рюкзаке громыгнули контейнеры, абакан слетел с плеча. Гриф поймал его за ремень.

– Твою дивизию, – процедил он сквозь зубы. Выпрямился, поднял левую ногу, посмотрел на подошву, обернулся на студень: – Надо внимательнее.

Зашагал вдоль опушки, не углубляясь в лес и так, чтобы с изрытого поля его не было особо заметно. Остановился в облеслом ельнике у поваленной осины, исходящей черным соком и гнилым душком. На замшелый полопавшийся ствол примостил рюкзак. Развязал горловину и один за другим извлек на свет четыре контейнера. Два стальных короба с керамической ванной внутри были пробиты насквозь. Весьма вероятно, им же.

С нехорошим предчувствием сталкер открыл одну из поврежденных емкостей. Судя по серебристым обломкам, до столкновения с пулей это был «каменный цветок». Не дешевый, но очень хрупкий артефакт. Гриф, стоически перенеся потерю, открыл второй контейнер. «Лунный свет» искрился неровным голубым сиянием. Черное пятно сбоку, как червоточина на плоде, обесценивала артефакт абсолютно.

– Черт, – с досады выругался сталкер. С надеждой открыл третий целый контейнер. На дне ванны лежала обычная «батарея». Гриф небрежно отставил контейнер, взялся за последний. «Медуза» – стоящий артефакт, но далеко не уникальный. Призрачная надежда сменилась отчаянием.

– Мало, – пробурчал Гриф, опустил руки и задумался. Времени на «сколачивание капитала» оставалось мало. Трофеи сталкер рассовал по своим контейнерам, пустые транспортировочные емкости и «брак» сгреб в вещмешок братьев.

Через полчаса пути он остановился у испепеленной земли, над которой волновался горячий сиропный воздух. Швырнул в «жарку» ненужный шмотник. Вспыхнул столб яркого пламени. Когда факел погас, на почерневшем пятаке лежали обгоревшие жестянки да застежки. Морщась и отворачиваясь от жара, сталкер сунул сухой прутик к раскаленному контейнеру. Через мгновение ветка вспыхнула. Гриф прикурил, затушил уголек и зашагал в «Депо».

Ближе к вечеру, сидя в вывороченной коллекторной трубе, перекусывая остатками краковской, Гриф заметил в полукилометре на северо-запад движение. Достал из вещмешка бинокль. Пережевывая бутерброд, он наблюдал за сталкером, который неторопливо шел через пустырь к «Кристаллу». На фоне разрушенных зданий с черными слепыми окнами, среди вывороченных бетонных глыб, ржавой арматуры сталкер казался букашкой. Время от времени он останавливался, кидал гайки и двигался дальше. «Кой черт его туда несет?» – задался вопросом Гриф. Общеизвестно, что территория «Кристалла» напичкана аномалиями все равно что слепой пес блохами, а за бетонным забором в складской зоне время от времени ворочается что-то массивное и громыхает. Всякий любопытствующий, рискнувший докопаться до истины, не возвращался. А этот идиот вроде туда и направляется.

Пискнул ПДА. Сталкер взглянул на экран. «Рудольф Яковлевич, не хотела беспокоить, но Бергман требует перечисления или гарантии банка. С уважением Красневская Т. В.».

– Леший бы вас всех побрал, – Гриф сплюнул. Почувствовал, как в правом боку зарождается неприятная тянущая боль. Промедол и «крапивка» закончились, он полез в карман за сигаретами. «Тайник!» Рука остановилась на полпути и схватила бинокль. «Тайник». Эта мысль захватила Грифа. Он поймал в окуляры фигуру в тот момент, когда сталкер скрылся за обломок стены.

Не медля ни секунды, Гриф подхватил абакан и бросился к развалинам завода. Боль в правом боку становилась ошутимее и уже растекалась по спине, тянулась к позвоночнику. Сталкер терпел. С этой «подругой» он знаком не понаслышке, выучил все ее капризы и закидоны. Она будет усиливать давление, пока не получит анальгетика или психотропа. Если нет, то еще немного, и доберет свой максимум, а с этим жить можно.

Спустя три минуты Гриф достиг разрушенной стены и теперь стоял, переводя дыхание и прислушиваясь к руинам. Где-то из глубины завода доносился далекий скрежет, словно кислородный баллон волокли по асфальту. Поблизости послышалось жестяное постукивание, как будто оторванный лист под напором ветра колотился о раму, хотя ветра не было. Неподалеку чахлые листья репейника с черными язвами висели неподвижно. Сталкер запрыгнул на бетонную глыбу и тут же скривился: бок точно пронзил раскаленная игла. Прижал локоть к ребрам. «Ну, все. Хуже уже не будет. Главное, без резких...» Он не успел додумать, как боковым зрением заметил справа небольшой пылевой вихрь. «Карусель» выгибалась, неспешно кружилась в жутковатом сомнамбулическом танце и подбиралась к сталкеру. В кармане куртки завибрировал детектор.

– Етить твою в корягу, – прошептал Гриф. Выглянул из-за стены, быстро окинул взглядом цех с обрушенной кровлей, ржавыми станками, заваленный обломками плит, балками, кирпичом. Пригибаясь, метнулся за электрощитовую. Где-то у торцевой стены, в дальней ее части протяжно заскрежетало и затихло.

Незамеченный Гриф возник за спиной сталкера, который увлеченно копошился в углу. Гриф вытягивал шею, старался заглянуть ему за плечо, но ничего не видел. Некоторое время он стоял и наблюдал за «раззявой» с бритым затылком в дешевой, выдавшей вида снаряге, затем гаркнул:

– Что это мы тут прячем?!

Раззява от неожиданности подпрыгнул. Схватился за автомат. Громыхнувший позади выстрел заставил его замереть.

– Руки! – рявкнул Гриф.

Раззява медленно поднял руки. Пальцы дрожали.

– Я тут, – заблеял он и обернулся на Грифа, который стоял уверенно, широко расставив ноги, направляя абакан в его сторону, – консервы, сигареты...

– Свали в сторону, – приказал Гриф.

Парень лет двадцати пяти, Гриф еще подумал: «Что здесь делает сопляк один? Ему бы неотвязно таскаться за ветеранами и ловить каждое слово», – встал и шагнул влево. Над грудой кирпича торчала открытая железная дверца, за ней виднелся квадратный проем в обрамлении металлической рамы. Складывалось впечатление, что под обломками скрыт небольшой сейф. Гриф сделал шаг к тайнику, заглядывая внутрь. Раззява бросился в сторону плиты, опирающейся на стену. Гриф повел стволом, поймал фигуру на мушку. Парень скрылся в щели, а в следующее мгновение раздались сдавленный стон, треск рвущейся ткани, хлопок. Из-за плиты полетели кровавые ошметки. «Точно раззява», – подумал сталкер.

Некоторое время Гриф стоял неподвижно и смотрел на плиту, за которой притаилась мясорубка. Он ощутил неприятный укол вины, но быстро избавился от этого груза. Шагнул к тайнику, надеясь, что смерть была ненапрасной. В сейфе он нашел три банки тушенки, две пачки «Кэмела», аптечку, ржавую, без накладок на рукоятке фору и пустой рожок от АК.

И без того паршивое настроение испортилось вовсе. Гриф вернулся к бетонной трубе, аппетит пропал. Он сгреб провиант в вещмешок, закинул за спину и зашагал прочь.

Он шел под грязно-серым небом по унылому заросшему пустырю мимо ржавеющих остовов машин, мимо сгоревшего дома, оставляя за спиной разрушенный завод, раззяву, и думал, что надо торопиться.

Глава 2. Карта

В «Передозе» под вечер, как всегда, былолюдно и шумно. Грифу не терпелось надраться. Неудачи, преследующие его последние дни, изрядно вымотали. Поднявшись на несколько ступеней по лестнице, ведущей на второй этаж, сквозь плотное дымное облако Гриф окинул взглядом бар и творящуюся в нем вакханалию. Гейгера ни за стойкой, ни в зале не было видно. Поймав юркий угодливый взгляд Семы, сталкер махнул ему рукой и пальцем указал наверх. Бармен понятливо кивнул. Наклонился, пошарил под прилавком и спустя секунду уже кидал через головы разномастной публики ключ с номерком. Гриф поймал посылку и потопал выше. Услышал скатывающийся сверху деревянный перестук, поднял глаза. Навстречу по правой стороне марша спускался долговязый белобрысый короткостриженный парнишка в поношенной армейской хэбэшке, в стоптанных берцах. «Еще один шмат мяса зоны», – подумал Гриф и осекся. На руке, скользившей по перилам, между большим и указательным пальцем была наколота пятиконечная звездочка. Обычная самопальная неаккуратная татуировка, под стать тем, которые обычно набивают от нечего делать подростки. На месте звездочки вполне могли быть серп с молотом, сердце, пронзенное стрелой, кинжал, якорь, какие-нибудь значащие буквы либо цифры. Но на этой руке была именно звездочка. Она словно трафарет легла на ту, что хранилась в памяти Грифа. Сталкер пристальнее всмотрелся в приближающееся лицо, и оно показалось ему как будто знакомым – юношеское славянское, худое с выпирающими скулами, простоватое, карие серьезные глаза с проблеском наивной доверчивости, нос картошкой, темные брови...

Гриф остановился и взглядом провожал парня, пока тот не смешался с гудящей, шевелящейся массой. Погруженный в раздумья, сталкер поднялся на второй этаж. Гулко протопал по коридору, отпер номер, щелкнул выключателем и остановился на пороге. Его встретила – все равно что знакомая потасканная старая шлюха – тесная комната с обшарпанной мебелью, штопаными половиками, нестираными, пожелтевшими от табачного дыма занавесками, с затхлым запахом недавней пьянки. Ничего другого Гриф и не ожидал увидеть. Он с тоской подумал о своей берлоге.

Через полчаса сталкер спустился в бар, не забыв запереть сейф с хабаром и умыться в общей уборной с сырыми, гнилыми полами, хлюпающим умывальником, со смесью запахов дерьма и хозяйственного мыла.

Он пододвинул спящего в тарелке с объедками Гарика, заглянул в его пустую рюмку, просмотрел на свет опорожненную бутылку гаммафоса.

– Да-а-а, – разочарованно протянул сталкер и поймал за фартук норовившего прошмыгнуть мимо разносчика.

– Перч, – громко сказал Гриф, перекрывая пьяный гомон, – мне бы горло промочить и на кишку чего-нибудь кинуть.

Перч кивнул, а в следующее мгновение растворился в толпе сталкеров – фигуры в армейке раздвинулись и тут же сомкнулись за ним, как ветви в густом лесу.

Гриф откинулся на спинку стула, краем глаза заметил под ногами желтое пятнышко. Опустил взгляд и увидел кем-то оброненную зажигалку. Наклонился, протянул руку, и тут подкараулившая боль со злорадством и зверством вцепилась в старую рану. Гриф зажмурился, зашипел сквозь зубы, прижал локоть к боку. Несколько секунд переждал, затем осторожно выпрямился. «Надо бы разжиться чем-нибудь поубойнеепромедела. Эта стерва проклятушая так просто не отвяжется».

– К доктору вам надо, – услышал Гриф близко и открыл правый глаз.

За столом напротив сидел тот самый «шмат мяса» с лестницы. Гриф ничего не ответил. Открыл второй глаз, выпрямился, положил локти на стол и неморгая впери́л недобрый взгляд в карие глаза напротив.

– Я... Меня Ле... а-а-а, Алексеем звать, – заспотыкался парень, протянув руку.

Гриф не пошевелился. Мгновение рука висела в воздухе, затем, словно испуганная укле́йка, исчезла под столом.

– Мне вас Гейгер рекомендовал, – заговорил он вновь после неловкой паузы, наконец, совладав с голосом и мыслями. – Говорит, вы беретесь провести каждого, ну... кто вам заплатит.

На этот раз Алексей не прятал взгляд, а твердо смотрел в серые холодные льдины. Две секунды – все, на что он был способен. Затем дернул головой, отвел взгляд и рассеянно заскользил по пьяной публике, по кирпичным стенам, столам, поставив себе в зачет смелую выходку.

– Куда и сколько? – послышался угрюмый голос.

– Хочу предупредить сразу, – ободренный покладистостью визави, заговорил Алексей, новстретился взглядом со сталкером и вновь ощутил себя дичью, – поход не близкий, – парень отвел глаза. – Идем, ну... за ценным артом. Смогу расплатиться только после того как спихну яйцеголовым.

– Во как? – на лице Грифа сложилась удивленная мина, рот перекосила ухмылка. «Шмат» его забавлял. Сталкер скрестил на груди руки и приготовился коротать время, пока не появится Перч.

– Да, – продолжил Алексей на полном серьезе, – именно так.

Он подался вперед, лег грудью на стол и зашептал, заговорщицки озираясь по сторонам:

– Ну... у меня есть карта.

– Показывай.

– Не здесь же, – прошептал Алексей, – она, ну... не при мне.

– Тогда пошел к черту.

Гриф увидел Перча, который с подносом над головой просачивался между раскачивающимися «бревнами» в камуфляже, шел к нему. Сталкер потерял интерес к пустому разговору, сглатывал слюну, предвкушая трапезу.

Обиженный и одновременно ошарашенный таким поворотом, Алексей моргал, стараясь вытянуть потаенный смысл услышанного.

Гриф удивился, когда взялся за вилку и вновь увидел Алексея.

– Ты еще здесь? – прозвучало угрожающе.

Алексей дернулся, встал, но, памятуя о деле, сел и, багровея, просипел:

– Я пошутил. Она со мной. Могу показать, – он исподлобья стрельнул взглядом по сторонам.

– Чего показать? – рявкнул Гриф, раздражаясь.

– Карту, – громко прошептал Алексей и пронзительно посмотрел на сталкера. Затем расстегнул пуговицу и полез во внутренний карман.

– Засунь ее себе знаешь куда?

Гриф под столом с силой пнул по деревянной перекладине. Стул опрокинулся вместе с сидоком. Алексей не успел сообразить, что произошло, как Гриф уже нависал над ним, держал за грудки и заносил кулак. Алексей скривился, зажмурился, защищаясь, вытянул руки, в которых сжимал серую тряпку, исчерканную бордовыми каракулями.

Одного взгляда на «карту» хватило, чтобы Гриф в корне поменял свои намерения.

– Что за ... – сталкер вычленил из всего бордового авангардизма весьма специфичный значок. Он разжал кулак, выхватил тряпку, быстро осмотрелся. Несколько сталкеров с пьяными рожами повернулись в их сторону и приготовились лицезреть мордобой. Гриф сунул карту в карман, рывком поставил Алексея на ноги.

– Садись, – буркнул он, – смотреть будем не здесь.

Он обошел стол и занял свое место. Алексей пришел в чувства, поднял стул и сел.

Жевал Гриф быстро. Мышцы на его скулах бугрились и не останавливались ни на секунду, словно механические. Занятый своими мыслями, он вряд ли чувствовал вкус еды.

– Ты где ее взял? – спросил Гриф, наливая в стакан гаммафоса. Алексей тоже не отказался бы снять напряжение, но вместо этого сказал:

– На себе нашел.

Поймав недоуменный взгляд сталкера, пояснил:

– Несколько дней назад с Пачей ходили на лесопилку. Он напился, ну... его слепые псы поели. Я забрался на крышу, просидел там до утра. Поспал немного, потом двинул обратно. Дошел до «Передоза», в номере разделся, чтобы завалиться на боковую, ну... и увидел на себе это. На самом деле майка моя. Кто-то ее разрисовал, пока я на крыше дрых. До того, ну... я точно помню, она была нормальной. Ну... то есть без вот этих вот рисунков.

Алексей помолчал и добавил с опаской:

– Мне кажется, карта нарисована кровью.

– Чем? – Гриф перестал жевать и вытаращился на парня.

– Кровью. Ну... мне так кажется.

– Ладно, разберемся.

Гриф снова включил «жернова» и заработал вилкой. Предвкушая обстоятельный разговор в номере, он больше не пил. Из головы не выходил значок – простая фигура из длинненькой горизонтальной черточки и двух коротких по бокам. Но сколько эти каракули сулили денег, Гриф вполне себе представлял. Он уже жалел, что не может выйти в рейд немедленно.

– Ты сам-то откуда? – спросил Гриф просто так, без всякого интереса, заполняя неловкое молчание. Парень был ему нужен, и до некоторых пор он намеревался поддерживать отношения. Гриф не имел привычки интересоваться у «отмычек» их личной жизнью и биографическими подробностями. Так было легче расставаться. Достаточно знать клички. У кого не было, он давал сам, и для всех она была одна – Салабон. Это единственное, чем он делился безвозмездно. Гриф уже не мог вспомнить, сколько с ним ходило и не вернулось. Отлаженная схема с Гейгером работала безупречно. Владелец «Передоза» поставлял сталкеру «салабонов», с их помощью тот добывал хабар и по сходной цене толкал Гейгеру.

– Я почти местный, из-под Словечно, в ста пятидесяти километрах от Чернобыля, – сказал Алексей.

– У-у-у, – протянул Гриф, не переставая жевать. Снова повисло молчание.

– А чего в зону двинул? На кой тебе? – снова Гриф задал ненужный вопрос и разозлился на немногословного Салабона, который заставлял его открывать рот.

– Мне надо, – пробубнил Алексей.

– Надо так надо.

Гриф отодвинул пустую тарелку. Он не наелся, но продолжать ужин не захотел. Ему не терпелось поскорее взглянуть на карту и покончить с волнующим неведением.

– Пойдем ко мне.

Гриф вышел из-за стола. Они шли к лестнице, проталкиваясь между потных тел, сквозь дымовой кумар, шум разговоров и гоготание. Пьяный Гарик открыл совсем не пьяный глаз и посмотрел им вслед.

Глава 3. Переговоры

Гриф запер дверь, жестом указал Алексею на стул. Взглянул на грязный стол с лужицей непонятно чего под графином, подошел к армейской кровати, застланной синим шерстяным покрывалом, и разложил на ней майку. Он сразу заметил рваный край возле бокового шва. Отсутствовал небольшой лоскут, судя по линиям, с незначительными и вполне восполнимыми воображением элементами карты.

Несколько минут в молчании, под приглушенный гул и всплески гогота снизу, Гриф рассматривал неаккуратные с кляксами и разводами обозначения. То и дело его взгляд возвращался к катушке. Он не сразу сориентировался. А когда начал понимать, куда придется лезть, то его пыл заметно поутих. Надпись «Земл» в непосредственной близости от заветного значка одномоментно сделала предстоящее мероприятие практически невозможным. Гриф постарался понять, откуда начинается маршрут, начерканный рваными багровыми линиями, и не смог. По его прикидкам, карта изображала местность северней «обитаемой зоны». Крест с подписью «КБ» у самого низа майки на пунктирной линии давал отправную точку.

Бром – один из долгожителей-ветеранов, работал исключительно на ученых, сгинул в тех краях. Предположительно последний его маршрут пролегал через метеостанцию к ферме Эйгелеса и дальше. Тех районов на картах нет, только слухи. Сколько сталкеров там сгинуло: Тютя Хромой, Егорыч, Дауш, Марлен, Столет, Исмаилов – Восемь Илов, Пугач-ухарь и тот не вернулся.

Гриф взял со стола ПДА, вывел на монитор карты. Принялся рассматривать интересующие его локации квадрат за квадратом. Чем ближе подбирался к «кресту Брома», тем меньше попадалось информационных значков, а за метеостанцией их и вовсе не находилось. Ни троп тебе, ни аномальных зон, ни зон заражения, ни флоры, ни фауны – ничего.

– Хрень какая-то! – в сердцах выругался Гриф, ощущая, как ускользает куш. Посмотрел на притихшего Алексея: – Ты хоть понимаешь, Салабон, куда предлагаешь идти? Тебе название «метеостанция» о чем-то говорит? А про «рыкстеров» слышал? Про «земляков»? «Промку»?

Алексей молчал и моргал на Грифа. Ни о чем подобном он не слышал.

– Я в зоне не так давно, – наконец, после затянувшегося молчания и требовательного взгляда пробубнил он.

– Отлично, – Гриф хлопнул себя по бедрам, – ничего не скажешь. А какого беса в самую дырку намылился?

– Мне надо, – Алексей упрямо посмотрел на сталкера.

– Ха! Ему надо, – усмехнулся Гриф, злобно вперился в парня, не находя, чтобы еще поставить тому в упрек. Наконец, пыл его поутих, и он уже примирительным тоном спросил: – Какая у тебя снаряга? Оружие?

– Ну... снаряга вся на мне, а из оружия АК, – бойко произнес Алексей и тут же сник, – правда с переклином. Но если че, стрельнуть из него можно.

– М-да, – задумался сталкер. – Ладно, ты топай пока, отдыхай. Скоро выброс, как закончится, я тебя жду.

Алексей встал, наклонился, чтобы забрать «карту».

– Э-э, – остановил его Гриф, – маячку оставь. Мне еще покумекать надо.

Несколько секунд Алексей колебался, но все же карту забирать не стал. Выпрямился, повернулся к сталкеру и сказал: – Если че, я копию сделал.

– Тогда придется тебя грохнуть прямо сейчас, – совсем не по-доброму сказал Гриф и зыркнул из-под бровей так, что сомнений в его намерениях не возникало. Но в следующее мгновение лицо его преобразилось зубастой улыбкой. Уж больно красноречиво на лице Салабона отобразились возникшие у него мысли.

- Шучу я. Сделал, так сделал. Чего тогда в бар с майкой поперся?
- Для убедительности.
- Какой, к дьяволу, убедительности?
- Ну... на ней ведь кровью все это нарисовано.
- Кровью, – Гриф усмехнулся. – Все, мотай уже, мне покумекать не терпится, – взгляд задержался на бутылке.

За Алексеем закрылась дверь. Гриф достал из вещмешка недоеденные консервы, хлеб, остатки краковской, наполовину наполнил граненый стакан гаммафосом. Быстро взглянул на исчерпанную каким-то дерьмом майку с оторванным клоком снизу, запрокинул голову и влил в рот обжигающей гадости.

Глава 4. Сборы, походы

– Гриф. Гриф, – доносится откуда-то издалека сквозь туман и головную боль. Голос знакомый, вкрадчивый. И правильно, что вкрадчивый. Лучше не докучать, когда мир неустойчив и блевать хочется.

– Гриф, нам идти надо. Гри-и-и-ф. Гри-и-и-ф. Выброс закончился.

«Ах да, катушка», – вспоминает сталкер, и в его отравленном мозгу начинаются процессы и реакции, побуждающие открыть глаза и начать действовать. Рывком Гриф садится, мутным с розовым белком глазом обводит комнату. Он сидит на полу возле кровати, поодаль стоит «отмычка» и двоится, гаденыш. «Близко не подходит – правильно. Могу и шибануть».

– Чаю, – скрипит сталкер, наклоняется влево и цепляется за кровать. Поднимается на чугунных ногах, его пошатывает. Не в силах удерживать вертикаль, плюхается на скрипучие пружины. Омерзительно скрипучие. Гриф болезненно морщится.

– Карта, – взвизгивает Алексей, – подлетает и тянет майку из-под Грифа. И тут же получает по уху. Отшатывается, хватается за ушибленное место, тарашится на сталкера:

– Ты чего?

– Я же сказал, чаю, – бормочет Гриф и мрачно смотрит на парня. «А ведь стало лучше. Принесет чаю, еще вдарю».

Не говоря ни слова, Алексей разворачивается и идет к двери.

– Выброс?

– Закончился, – не оборачиваясь, бубнит Алексей.

– Когда?

– Еще ночью, в четыре часа, – парень выходит из номера. Появляется через пять минут с большой кружкой, из которой торчит кусок ваты. Гриф удивляется. Но потом видит, что это не вата, а густой пар. Ухмыляется.

Они оставили «Передоз» спустя полтора часа. Гриф не посчитал нужным экипировать «отмычку» у Гейгера, лишь взял для себя анаболика. Все, что необходимо для рейда, у него имелось в берлоге. Раньше Грифу было все равно, в чем и с чем идут «отмычки». На них он не рассчитывал ни в стычке с мутантами, ни в перестрелке с мародерами, ни как на часовых. Он брал молодняк с собой, использовал и забывал, забирая на память то пригодное, что от них оставалось.

Но на этого Салабона он имел виды. Ходили слухи, что прежде чем взять катушку, ее надо разрядить. При этом полюс менялся на противоположный: безмозглый обретал разум, рассудительный – наоборот.

Тропа вела к лесу, вилась вдоль опушки и дальше через болотистую низину к испепеленной Шатеевке. Они шли под набухшим хмурым небом, которое напоминало весенний рыхлый снег, брошенный в лужу. Моросил противный дождь, раскисшая земля чавкала под подошвами, сухая трава клонилась под внезапными порывами ветра, лес поскрипывал и шелестел. Как сказал бы покойный Грибасик: «Погода сквернячная».

Гриф, шедший в трех метрах позади Алексея, достал сигареты. Еще было время неспеша перекурить, обдумать маршрут и кое-что еще. Он шел, попыхивая, не особо осторожничая, изредка кидая взгляды по сторонам. Вокруг «Депо» расхаживает много сталкеров, все по делу и все вооруженные. Мутант здесь редкая птица, а притаившиеся аномалии Гриф знал в лицо. После выброса они, конечно, норовили сдернуть в новые секреты и возникнуть вдруг в большем количестве, но в этом районе (не зря Гейгер выбрал для своего бара именно это местечко) подобное случалось редко.

– Шагай и не оборачивайся, – приказал Гриф, когда Алексей не выдержал гнетущего молчания, обернулся и хотел поинтересоваться планами на будущее.

– Ты, Салабон, не менжуйся, – говорил Гриф ему в спину, попыхивая табачком, – я про тебя помню. Ситуация возникнет, скажу, что делать. И если хочешь заполучить свой артефакт и при этом остаться живым, слушай меня внимательно и подчиняйся беспрекословно, – произносил сталкер заученный текст. – Скажу, прыгай – значит прыгай, скажу ложись – значит падай, скажу стой – значит замри, скажу заткнись – так тому и быть. А главное, по сторонам смотри и под ноги не забывай поглядывать. Много тут вашего брата раззявистого сгнуло по пустякам да по глупости.

Гриф прекратил поучать, кинул окурок под ноги, втоптал в грязь, сказал:

– Здесь налево. Налево! – повысил голос. Он удрученно мотнул головой, глядя, как «отмычка», сделал еще шаг и только потом повернул. Случись подобное немногим дальше, летел бы Салабон чучелом беспомощным и кувыркался. Трамплин, возникший на месте костра, который когда-то сталкеры развели в полуметре от тропы, не самый сильный, но метра на четыре зашвырнуть смог бы вполне. А там уж как бог на душу положит.

По извилистой тропе они прошли еще метров триста, когда послышался громкий окрик:

– Стоять!

Гриф среагировал моментально. Сдернул с плеча абакан и развернулся на голос. Говоривший предусмотрительно укрывался за сгнившим стволом, торчащим из земли, словно кость. В следующее мгновение со стороны леса раздался раскатистый выстрел, и возле левой ноги сталкера взвился грязевой фонтанчик.

«Местность открытая, – быстро соображал Гриф, – мы как на ладони. Снайпер без проблем положит меня, ему поспособствует тот, что за деревом, а может, есть и еще кто-то. От Салабона толку нет».

Гриф положил автомат на траву, поднял руки:

– Не стреляйте! – громко крикнул он. – Кто вы и чего хотите?!

От дерева отделилась фигура с автоматом. Гриф узнал Гарика, и все ему стало понятно. Он печально усмехнулся, кинул через плечо Алексею: – Бросай пушку. Не дергайся. Делай, что скажу.

Возвращая взгляд на Гарика, заметил шевеление в высокой траве правее метрах в двадцати. «Значит, трое».

Гарик остановился за пять шагов.

– Да это ты, Гарик! – воскликнул Гриф радостно и сделал шаг в его сторону, протягивая руку для приветствия.

– Стой, где стоишь, – осадил его тот, – не то стрельну.

– Ты меня с кем-то путаешь, – сталкер растягивал губы в добродушной улыбке, делая еще как бы по инерции шаг, – это я, Гриф.

Раздался выстрел. Ствол АК 74 дернулся, выдыхая дымок. Пуля просвистела в опасной близости от правого плеча Грифа. Добродушная улыбка исчезла, на лице проступил испуг.

– Ничего я не перепутал, – сказал Гарик угрюмо, – гони сюда карту.

Он вытянул руку в тактической перчатке, раскрытой ладонью вверх, дернул пальцами, предлагая делиться.

– Ты это о чем? – удивился сталкер.

Гарик навел автомат на Алексея:

– Для начала я грохну его, чтобы ты поверил в серьезность моих намерений.

Не заметив изменений в лице Грифа, вернул ствол в прежнее положение:

– Ну да. Забыл – «отмычки» тебе, что грязь, – и нажал на спусковой крючок.

Громыхнуло. Гриф едва успел отскочить.

– Ты с ума сошел! – крикнул он, боязливо выпрямляясь и делая как бы между прочим шаг к Гарикю. – Ты мне бочину чуть не продырявил!

– Не бочину а ногу, – прорычал тот, – следующий раз дам очередь. Карту сюда, быстро.

– Дай ему, что хочет, – сказал Гриф, оборачиваясь к Алексею. Тот непонимающе таращился на сталкера и моргал. Верхняя губа, лоб Алексея покрылись испариной, в ногах появилась предательская слабость. Он полностью вверил свою жизнь в руки Грифа и ничего предпринимать не собирался, да и не в силах был. Страх пожрал его волю, превращая в послушного мула.

– Карту отдай ему. Ну! – гаркнул Гриф и выразительно посмотрел парню в глаза.

Алексей сообразил, наконец, что от него требуется, и суетно, подрагивающими пальцами стал расстегивать пуговицы на куртке. Из внутреннего кармана достал сложенный тетрадный лист.

– Сюда подошел, – приказал Гарик, что Алексей не замедлил выполнить. В открытую ладонь вложил копию, стараясь всеми силами унять дрожь в руке.

– Отскочил на место, – Гарик качнул стволом, словно хворостинной отгонял козу.

Гриф было дернулся, хороший сложился момент. Используя «отмычку» как живой щит, подобраться к Гарику, разоружить, пристрелить, метнуться под защиту гнилого дерева, бросить в сторону леса дымовую гранату, осколочную туда, где шевелилась трава, затем под прикрытием дымовой завесы метнуться к опушке и там уже покончить со снайпером. Но этот план не годился. «Отмычку» Гриф рассчитывал использовать по назначению, а в ситуации еще имелись варианты.

Глядя то на Грифа, то на развернутый листок, Гарик с минуту разбирался в каракулях. Наконец, свернул карту, сунул в карман, губы потянулись в ухмылке:

– Значит, за катушкой намылились? А я думаю, чего это Гриф вдруг в лице переменялся и скоренько в комнатку смылся?

Гриф виновато улыбнулся:

– Сам понимаешь, Гарик, не факт, что карта не липовая. Надо проверить. Я лично не особо доверяю ей. Хочешь, бери и иди. Ты видел, что там за дорожка? За «крест Брома». Рисковать из-за косоной малявы как-то не особо хочется. Честно сказать, да ты и сам видишь, иду я не в ту сторону. Я в берлогу свою чапаю, а потом с этим бойцом на «Агропром», – Гриф кивнул на Алексея: – Им всем артефакты подавай.

При этих словах Гриф хитро подмигнул Гарику: – Бабла хотят.

А когда поворачивался к Алексею и кивал в его сторону, как бы между прочим сделал еще полшажочка вперед. Отметил, что клапан на кобуре сталкера закрыт на кнопку.

– А я нет, рисковать не буду. Ты меня знаешь...

– Пасть закрой, – рявкнул Гарик, – знаю я тебя. Ты в берлогу идешь, чтобы тугрики не тратить на снарягу.

Из сухой травы, там, где ранее Гриф заметил шевеление, поднялся сталкер. Гриф его видел впервые. Он был узкоглазый, невысокого роста, коренастый, лет тридцати пяти и уже с выдающимся брюхом. «С такой гирей, – отметил Гриф, – много не набегаешь и стремительным не будешь». «Якут», как его для себя пометил, стоял вальяжно, скрестив руки на АКМе, и чувствовал себя уверенно, даже как-то выпендрежно, словно Гриф – желторотый юнец и с ним все ясно.

– Ого, – удивился Гриф, – вас уже трое. Может, еще кто по кустам прячется? Я ведь пипец какой смертоопасный, – захихикал он, стреляя глазами по сторонам, между прочим вытирая влажную правую ладонь о брючину. Но никто больше не проявлялся. От Грифа не ускользнуло, как Гарик «говорящим» взглядом посмотрел на Якута и коротко кивнул. Гриф в два прыжка оказался рядом, левой рукой задрал ствол автомата, одновременно отработанным приемом – ребром правой руки сбил клапан с кобуры и выхватил пистолет. Большим пальцем сдвинул предохранитель, передернул затворную раму о ремень, уткнул ствол под челюсть сталкеру. Все эти действия Гриф произвел мгновенно. Гарик так до конца и не понял, что произошло, как

Гриф оказался так близко и почему смерть так стремительно забрала его к себе. Гроыхнул выстрел.

– Ложись! – гаркнул Гриф Алексею, закрываясь обмякшим сталкером. Автоматная очередь ударила в грудь уже мертвого Гарика. Пули прошли ткань разгрузки, застряли где-то в магазинах и в пластинах бронежилета. Прикрываясь трупом, Гриф сделал несколько выстрелов в Якута. Он не рассчитывал попасть, главное, заставить того снова юркнуть в траву.

Раздался выстрел из леса. Пуля легла в полуметре. «Всех усыпил». Не успел Гриф додумать ободряющую мысль, как автоматная очередь прошла воздух. Сталкер распластался так, чтобы укрыться за деревом от снайпера и трупом от автоматчика. Несколько пуль откололи щепу, остальные попытались долететь до неба. Гриф перекатился на левый бок, вытащил из разгрузки РДГ-М, дернул чеку и зашвырнул в сторону леса. Тут же достал вторую, только уже осколочную, и метнул к месту, где недавно возвышался Якут.

Ползли белые букли, распускаясь в плотную дымную пелену. Снова снайпер напомнил о себе. Пуля врезалась в ствол, брызнула труха. Вторая взбила сухую траву возле корня. Гриф сильнее вжался в землю. «Что-то Якут молчит. Никак я его уколошил», – подумал он, краем глаза оценивая степень задымленности. Ветерок неспешно задергивал сизой шторой опушку, а бело-серые струи все нагнетались. Гриф знал, что действие гранаты продлится не более тридцати секунд. Минуту-другую при таком безветрии непроглядная муть продержится, но потом начнет редеть. Действовать надо немедленно.

Он взял автомат за ремешок под самую скобу, перекатился, достиг высокой травы и быстро пополз по дуге в сторону Якута, чтобы доподлинно убедиться в его смерти и при случае завершить начатое.

После того, как одна пуля угодила в бронежилет в область живота, а вторая чиркнула по правому бедру, Бек осознал, что для него не принципиально завалить какого-то Грифа и дым – возможность незаметно покинуть поле не его боя. Он перехватил автомат и пополз в направлении оврага. Через несколько секунд в районе его «выхода» на сцену сталкерских разборок прогремел взрыв. На мгновение Бек застыл, прикрывая голову руками, а затем заработал локтями значительно шустрее. Он был грузным, неповоротливым и трусливым. Сталкеры на «Янове» не брали его в дальние рейды, да и поблизости считали бесполезным. Последней каплей, переполнившей чашу терпения, стало переименование клички. Вместо Бека его начали звать Бяшка. Сталкер оставил сухогруз с тяжелым сердцем и городок «Депо» в железнодорожных мастерских выбрал своим новым прибежищем.

Гарик сам подсел к нему в баре, сам угостил водкой, сам предложил «плевое» дельце. Он подбивал выйти вместе с ним на переговоры, когда некий снайпер будет их надежно прикрывать из леса. Будучи под градусом, Бек легко согласился, решив в новом коллективе громко заявить о себе. Но наутро протрезвев, наотрез отказался. Гарика стоило немалых трудов уговорить его хотя бы пойти на подстраховку, так как замену искать некогда.

Поначалу Гриф и его спутник заставили Бека понервничать, но, когда Гарик со снайпером из леса разоружили сталкеров, самообладание вернулось. Как ему казалось, он весьма эффектно вдруг «вырос» из земли, все равно что черный сталкер. У Грифа в глазах промелькнули изумление и страх, он не сомневался в этом. А вот теперь, когда ситуация кардинально поменялась, самообладание вновь куда-то улетучилось и он превратился в Бяшку. Он полз, словно беременная баба, отдуваясь, переваливаясь и отключивая зад. Казалось, до неглубокого оврага, который приметил ранее, не так уж и далеко, а его все нет и нет.

В высокой траве они встретились нос к носу. Бек успел испугаться немерено, выкатить глаза и выдохнуть: «Ох», – а Гриф с силой ткнуть его стволом автомата в лицо. Дульный тормоз – компенсатор выдавил глазное яблоко и повредил мозг.

Оставив позади вздрагивающего в конвульсиях сталкера, Гриф вскочил и бросился к лесу правее метров на двести предполагаемой сидки снайпера. В ту сторону, куда постепенно сползала белесая пелена.

Он достиг деревьев, когда дымное облако растворилось до легкого тумана и все продолжало редеть. Неприятная ноющая боль растекалась в боку, обещая, если он немедленно не примет меры, напомнить о себе существеннее. Пренебрегая предупреждением, Гриф прижал приклад к плечу, палец положил на спусковой крючок и, крадучись, двинулся в сторону недавних выстрелов. Он нашел дерево со сломанной веткой, нашел под ним три гильзы калибра 7,62, отпечатки берцов примерно сорок третьего размера, вот только снайпера нигде не было. Осторожно Гриф обошел место большим кругом и, убедившись, что неизвестного стрелка след простыл, направился к месту стычки.

Гриф то и дело оборачивался на мрачный лес. Ему все казалось, что снайпер не ушел, а где-то там, среди корявых ветвей и сухих листьев. Держит его в перекрестье прицела и медленно давит пальцем на курок. Гриф побежал валкой трусой, при этом сильно раскачиваясь корпусом.

Алексей лежал в траве, смотрел на сталкера, бегущего к нему нешироким шагом с автоматом в руках, сгорбившегося, втянувшего голову в плечи.

– Салабон, – Гриф звал сдавленным хриплым голосом, словно опасался, что его могут услышать посторонние. Остановился, подобрал с тропы абакан. Махнул рукой, подзывая Алексея. Когда тот оказался рядом, сталкер уже подтащил Гарика к гнилому дереву и стаскивал с мертвеца разгрузку.

– Убери, – Гриф протянул Алексею сложенный лист, – и давай боты, штаны стягивай, – взглядом указал на мертвого, – кажись, твой размерчик. Не стой столбом, скоро на свежатинку мутанты набегут, мокрого места не останется. Ему уже ничто не пригодится, а вот ты у нас голожопым ходишь.

Затрещали липучки, вслед за разгрузкой Гарик расстался с бронежилетом. Гриф ворочал и разоблачал мертвого все равно что обвальщик разделявал тушу. Со смущением и брезгливостью Алексей выполнил свою часть работы.

В боксерах черного цвета с серыми лампасами по бокам, в зеленой футболке с солеными разводами в проймах, с пробитой головой Гарик остался лежать под гнилым деревом. Живые уходили прочь, не оборачиваясь, унося в рюкзаках трофеи. А от оврага, раздвигая узкими мордами сухую траву, шли на кровь слепые псы.

Глава 5. Берлога

Полуразрушенный совхозный элеватор возвышался над заросшим полем, что колос на соломенных ногах. Поодаль покосился бетонный забор, упавшие секции потонули в бурьяне. За силосной кучей виднелись руины фермы. Пустые окна, проломанный шифер, ржавый остов трактора, железные кости косилок красноречиво указывали на запустение и медленное издыхание коллективной собственности.

– Стой, – Гриф остановил Алексея. – Кое-какие меры предосторожности предпримем.

Сталкер вытащил из кармана куртки бандану: «Мы почти на месте. Я тебе глаза сейчас завяжу. Сам понимаешь, для чего я это делаю».

– Понимаю, – без обиняков согласился Алексей, – незванный гость хуже татарина.

– Все верно, – Гриф крикнул, затягивая узел на затылке парня. – И пушку давай. – Сдернул с плеча Алексея АК, отстегнул рожок, передернул затворную раму, поймал выскочивший из выбрасывателя патрон, сунул в карман, автомат вернул. Быстро обхлопал Алексея по карманам, после чего пустил его вперед, предупреждая о препятствиях и направляя.

– Жарка. Осторожно. Прими левее, – говорил Гриф. – Левее сказал, – сталкер с силой дернул Алексея. Послышался гул, словно из паровозной топки. Лицо обдало горячим воздухом. Дважды по команде Алексей пригибался, якобы проходя под водорослями. Один раз слышал, как невдалеке потрескивала электра.

– Стой, – скомандовал Гриф. Через несколько секунд снизу тихо скрипнули петли. – Перед тобой люк, потом лестница.

В нос Алексею пахнуло жильем, табаком и гуталином.

Они спустились по железным ступеням. Гриф снял повязку с Алексея после того, как разжег керосиновую лампу и осмотрелся – все ли важное убрано. Алексей шурился и в неверном дрожащем свете с интересом рассматривал убежище. Стены, потолок, пол были железными. Стук каблуков поглощал грязный, затертый, местами прожженный ковер. В центре тесной комнаты стояла буржуйка. Труба суставчатым коленцем втыкалась в какую-то непонятную громоздкую установку под потолком. Рядом с печкой валялись разломанные доски. Возле стены располагалась армейская кровать. Кабельный барабан заменял стол. Пластиковый ящик из-под бутылок – стул. Керосинка коптила на тумбочке с оторванной дверцей. У левой стены в ряд расположились несколько снарядных ящиков, рядом лежала гора камуфляжного барахла, снаряжения, обувь.

– Ничего так, – сказал Алексей, – уютненько.

На запястье Грифа пискнул ПДА. Сталкер с озабоченным видом прочел сообщение. Хмыкнул, отключил устройство.

– Сейчас перекусим и двинем, – сказал Гриф. Распалил в буржуйке огонь. Затем ножом открыл несколько консервных банок. Все это он проделывал в задумчивом молчании. Алексей скромно сидел на ящике, то рассматривая жилище, то косясь на сталкера.

После перекуса Гриф разлил по кружкам чай, достал сигареты, закурил. Предложил Алексею.

– Нет. Спасибо, – отказался тот. Вновь повисла неуютная тишина.

– Идти далеко, – заговорил Гриф, стряхивая пепел в пустую консервную банку. – За Крест Брома, на сколько мне известно, никто из наших так далеко не забредал, а если бывал, так уже не расскажет. Я это к тому, что бес его знает, что ждет нас на тех территориях. Карт нет, кроме той, что на майке. – Сталкер замолчал, оценивающе посмотрел на Алексея. – Ты, вообще, давно в зоне?

– Третью неделю, – ответил Алексей и посмотрел на Грифа. Взгляд у парня был честный, бесхитростный. Гриф подумал, что парень долго не протянет. «Да и плевать. С лохами проблем меньше».

– Ладно, слушай сюда, – Гриф выпустил дымную струю. – Зона это такое неоднородное и нестабильное место, что в любую минуту может подкинуть сюрприз, которого от нее не ждешь. Аномальные локации меняются после каждого выброса, мутанты плодятся со страшной силой. Временами зона выдает уродцев, таких, что не сразу разберешь, где у него голова, а где задница. Любая ошибка здесь оплачивается жизнью. Если не хочешь сдохнуть и достать свою «катушку» делай, как я скажу. Я тут уже шесть лет и не одного черта лысого съел. – Гриф сделал затяжку, прислушался к ноющей боли в боку, затушил окурок: «Ладно, надо собраться. Тебя Гарик прибрахлил, вроде, костюмчик сидит как надо. Автоматик поменяем на полезное что-нибудь».

Говоря это, Гриф подошел к куче обмундирования, взялся ворошить, вытягивать, смотреть, что-то откладывать.

– У тебя здесь снаряги на целое отделение хватит, – усмехнулся Алексей.

– Ага, – не отвлекаясь от дела, подтвердил сталкер.

Минуту царил тишина, потом Алексей спросил: «Зачем тогда надо было Гарика раздевать?».

Гриф опустил руки с курткой, обернулся и колючим взглядом вперился в Алексея: «А чем тебе его снаряга хуже этой», – он кивнул на кучу тряпья.

– Ну, – замаялся Алексей, – она... с покойника вроде как.

– Эта, думаешь, покупная, – Гриф криво усмехнулся и принялся копать дальше. – Мы не мародеры, – говорил Гриф, не оборачиваясь, – в зоне закон такой – смело можешь взять ничейное, то есть, с мертвого в том числе и это будет честной сделкой. Гарику уже ничего не надо. Он теперь в лучшем мире. Как сказал бы мой заклятый враг Падре – аллилуйя.

– Я слышал у тебя много врагов, – неуверенно спросил Алексей, словно пробовал тонкий лед.

– Враги у всех есть, – сказал Гриф отстраненно, держа на вытянутых руках тактические брюки и примеряясь.

– Ну, у тебя как-то больше остальных, – сказал Алексей и ему почудилось, что слышит треск льда.

– Да? – Гриф обернулся и хлестнул Алексея злым взглядом, – что ты еще слышал?

Сам себе удивляясь, Алексей выдержал этот взгляд и еще больше поразился, когда открыл рот и заговорил: «Слышал, что ты «отмычек» сгубил много».

– Че тогда со мной поперся? – Гриф вцепился взглядом в парня, словно когтями.

– Ну, – Алексей от этого взгляда перестал чувствовать себя, так это было необычно и страшно. Ему не показалось, он был уверен, что зверь, который стоит в нескольких шагах, сейчас кинется на него, и тогда уже не будет спасения, – ну, – повторился он и сухо сглотнул, – у меня дело, мне надо... И кроме тебя, никто туда не дойдет. Я спрашивал...

Пламя так же внезапно угасло, как и разгорелось. Гриф ничего не ответил. Отвернулся и стал снимать брюки. Он еще в «Передозе» почувствовал, когда «пьяной звездой» раскинулся на полу и засыпал, что-то давит на поясницу. Вроде узел какой или камешек, или пробка, или черт ее знает, что. Не стал выяснять, уснул. Потом было не до этого. И по дороге в берлогу ему время от времени, особенно когда наклонялся, что-то врезалось в кожу над крестцом и штаны на поясе непривычно давили, казалось, что за последнее время он разъелся. Гриф стянул брюки, вывернул пояс и увидел светло-серую тряпицу, стягивающую узлом две шлевки. Гриф уставился на унификацию, вспоминая, когда и с какой целью уменьшил талию. Затем развязал узел, развернул лоскут. Некоторое время смотрел, морщил лоб. Чуть позже, когда натянул брюки, сунул лоскут в карман.

В молчании Гриф облачался в походное обмундирование и снаряжение. Алексей сидел в скверных чувствах, не замечая вкуса чая, рассеянно смотрел на пламя в буржуйке и терзался подозрениями. После того, как он увидел Грифа в злобе и кучу барахла с мертвых сталкеров, его вера в успешный исход предприятия таяла, как снег на языке. По большей части Алексей гадал, когда Гриф решит, что пришло время умереть ему. Алексей одновременно боялся идти, и не идти. В конечном итоге он решил, что поздно что-либо менять. Жернова судьбы уже крутятся.

– Выходим сейчас, – сказал Гриф невзрачным голосом, – дробовик и прочее после дам.

«Ага, – подумал Алексей, усмиряя галопирующее сердцебиение, – вот и началось. Он не сказал, чтобы я не забыл вернуть. Значит, рассчитывает на честную сделку, как с Гариком. Может, потом все же скажет, когда передавать будет». С такими мыслями Алексей карабкался по железной лестнице с завязанными глазами.

Глава 6. Правду и только правду

Они прошли, примерно, с полкилометра, когда Гриф сказал: «Тормозни». Подошел, развязал бандану и сразу толкнул Алексея в грудь. Ослепленный ярким светом, шурясь на дневной свет, Алексей попятился, нелепо взмахивая руками. Он почувствовал, как его словно что-то ухватило за плечи и тянет с нарастающим усилием. Он сделал еще несколько шагов, а затем, испугавшись окончательно, извернулся, упал на живот, вцепился в траву и обернулся. Позади ничего особенного не было, если не считать облезлую полусгнившую шкуру какого-то мутанта да легкое волнение воздуха, словно над нагретым асфальтом в жаркий летний день.

– Зачем?! – выкрикнул Алексей, подтягиваясь на локтях и цепляясь мысками берца за землю. Гриф с невозмутимым лицом скинул с плеча «абакан», снял с предохранителя и нажал на спусковой крючок. Гроыхнул выстрел. Пуля впиалась в землю в нескольких сантиметрах от правой кисти Алексея.

– Ай, – вскрикнул тот и отдернул руку. Снова выстрел. Втора пуля легла чуть ближе. Алексей отпрянул, дернулся назад. Следующая пуля, продырявившая рукав куртки, вынудила его отползти назад, и он тут же ощутил нарастающее воздействие «воронки». Его тащило к центру аномалии. Несильно, едва, едва, как киношного героя, которому еще надо успеть многое сказать. Алексей напрягся, вжался в землю, пальцы вцепились в жидкую траву. Он отчаянно посмотрел на Грифа и заорал: «Можно же обойти!».

– Воронку – можно, – невозмутимо согласился Гриф, – а вот мои сомнения – никак. – Он вытащил из кармана бело-серый лоскут, который отвязал со шлевок, присел на корточки.

– Что это? – выдохнул Алексей, ощущая, как левая нога соскальзывает.

– Сам скажи, – Гриф развернул материю с бурыми линиями на ней. Одного взгляда Алексею хватило, чтобы понять.

– Откуда она у те... – нога соскользнула, Алексей прижался щекой к земле, стараясь увеличить площадь сопротивления, судорожно заскреб берцем по сухой земле ища опору. Гравианомалия усиливала хватку с каждым проигранным жертвой миллиметром. – Помоги, – простонал Алексей.

– Только после того, как получу ответ, – ровным голосом вещал Гриф. Посмотрел на Алексея и добавил. – Я бы на твоём месте с ответом не тянул, воронка давно не разряжалась. Она тебя так обнимет, так прижмет, что косточки затрещат. Так откуда она у меня? – Он склонил голову и внимательно заглянул в перепуганные глаза Алексея.

– Я не знаю! – прокричал тот, и его левая рука с пучком травы оторвалась от земли. Рывком, словно хищник жертву, мясорубка дернула Алексея на себя. Сморщившись от напряжения, Алексей правой рукой проскреб по земле, левой вцепился в кочку, мыски берца, как плуги пропахали грунт, оставляя борозды. Его тянуло все с нарастающей силой.

– А если подумать? – продолжал допытываться сталкер, равнодушно взирая на разворачивающуюся драму.

– Клянусь, – проскрежетал Алексей.

– Знаешь ли, – Гриф с наигранным любопытством посмотрел на клоч майки, – мне еще в «Передозе» показалась твоя рожа знакомой и звездочка на грабке. А когда на штрипках обнаружил узелок из твоей, так сказать, карты и вовсе утвердился в мысли, что мы знакомы. – Гриф снова посмотрел на сползающего уже безостановочно еще медленно, но все набирающего ход Алексея, – я вот чего не пойму, как тебе удалось засрать мне мозги, что я ни хрена не помню? Начни сознаваться и я дам тебе договорить в спокойной обстановке.

– Я впервые увидел тебя в баре. Меня... Гейгер направил. Я не знаю ни про какие..., твою мать, штрипки, – завизжал Алексей. Ему удалось зацепиться. Он лежал, распластавшись, прижимаясь к земле.

– Сам напросился, – сказал Гриф негромко, словно самому себе. Встал и нацелил автомат в голову Алексею.

– Да пошел ты! – вскинулся Алексей, с яростью посмотрел на Грифа и его поволокло неумолимо, быстро.

– Хватайся, – услышал он и тут же, судорожно вцепился в ствол протянутого автомата. В тот момент, когда пальцы обхватили холодный металл, Алексей подумал: «Сейчас он выстрелит».

Медленно, помогая рукой и ногами, преодолевая боль от врезавшейся в кожу мушки, Алексей, наконец, выкарабкался.

Глава 7. Кровососы

Они отползли от «воронки» и некоторое время переводили дух.

– Это тебе, – сказал Гриф, достал из рюкзака СПСА – 14, рядом на траву легли три коробки с патронами 12*70 дробь. – Теперь, Салабон, подъем, снаряжайся и двигаем, – распорядился сталкер. Алексей лежал на спине, закрывая сцепленными руками глаза и тяжело дыша. Услышав команду, он приподнял руки и внимательно посмотрел на сталкера. Игнорируя взгляды, Гриф вдавил окурочек в землю, поднялся, закинул рюкзак за спину, поправил на плече автомат и зашагал по изъеденной плесенью траве. Он скрылся за корявым, словно специально изломанным, но все же каким-то чудом выжившим, орешником.

Алексей опасливо огляделся, затем вскочил на ноги, поспешно рассовал патроны по карманам, схватил дробовик, закинул за спину рюкзак и вприпрыжку бросился следом. В панике искал взглядом сталкера, прислушивался к безмолвствующему лесу: «Хоть бы сучок хрустнул». Через минуту он увидел бесшумно движущуюся среди ветвей, сливающуюся с листвой фигуру. Алексей немного успокоился, усмиряя учащенное сердцебиение, перешел с бега на быстрый шаг. Скоро он догнал сталкера. Некоторое время шли молча.

– Гриф, – робко заговорил Алексей, – ну..., как ты думаешь, откуда у тебя кусок моей майки?

Сталкер некоторое время молчал, потом пожал плечами и сказал: «А бес его знает. Это, эти твою налево, зона».

– Ну, хоть какое-нибудь объяснение? – не отставал Алексей.

– Возможно, – подумав, сказал Гриф, – какая-то временная аномалия, с которой лично я еще не встречался и о которой не слыхивал.

– Может, что-то похожее?

– Да черт его знает, – в сердцах выругался Гриф, быстро обернулся и бросил на Алексея строгий взгляд.

– Гриф, – снова заговорил Алексей, подождав, пока страсти улягутся, – а ты, что, ну... реально бы меня в «воронку» спустил?

Гриф не отвечал и Алексей продолжил: «Ведь ты мне поэтому сначала не дал помповик, чтобы добру зря не пропадать. Ведь так?».

– Раз знаешь, чего спрашиваешь, – пробурчал Гриф. Они вышли из леса, и двигались вдоль опушки по заросшей тропе. Тихо пискнул детектор аномалий. Гриф резко остановился и осмотрелся. Полусгоревшая изба приковала его взгляд. Рубленая из бревен она стояла обугленная, черная. Крыша обвалилась, труба из обглоданного временем и коррозией кирпича сильно накренилась. Противореча всем физическим законам, она непонятным образом держалась под углом примерно в сорок пять градусов. На уцелевшем потолке разросся ядовитый «борщевик». По его длинным нитевидным корням, сползающим по обгорелым бревнам, стекал цвета солянки, густой, словно сироп «студень» и собирался в лужу.

– Что там? – шепотом спросил Алексей.

– Умолкни, – обрубил его сталкер и продолжил внимательно всматриваться в пепелище. Но теперь он смотрел не на избу, занимающую центральное место картинки, словно специально выставленную на передний план. Краем глаза Гриф следил за крадущимися кровососами. Их было двое. Они приближались слева, двигались абсолютно бесшумно, укрываясь за головешками, буграми и кустарником.

Гриф подбросил рюкзак на плече, одновременно подтягивая автомат из-под руки на грудь. Затем достал из кармана гайку, кинул в избу. С сухим звуком, запуская эфемерное серое облачко пепла, гайка ударилась о бревно и отскочила куда-то в траву.

– Идем, – сказал Гриф, быстро зашагал к пепелищу. Оказавшись вне поля видимости мутантов, он быстро сказал Алексею: «Стой здесь, я сейчас», – бегом кинулся к соседнему дому, от которого осталась лишь горка кирпича да торчащие головешки. Не понимая, что происходит, Алексей стоял, где ему было велено и крутил головой, как флюгер под порывами ветра. Осмотревшись и не найдя ничего достойного внимания, он развернулся, сделал шаг назад и высунулся из-за угла. Мерзкая харя таращилась на него жуткими безвекиными глазами. Щупальца вокруг пасти омерзительно шевелились.

Алексей тонко взвизгнул, вскинул дробовик и нажал на курок. Прогремел выстрел. С пробитой головой кровосос ударился в бревенчатую стену, соскребая гарь, сполз на землю. Выпрыгивающими из орбиты глазами Алексей таращился на вздрагивающее в конвульсиях порождение зоны и ничего кругом не замечал. Хотя стоило бы. Поняв, что эффект неожиданности утрачен, второй кровосос бросился на жертву.

Та поспешность и слепая ярость, которые обуревали звериную душу, ее, собственно, и сгубили. Несмотря на свою уникальность, оставаться невидимым, кровосос столько гнул травы и ломал поросль, что не составляло труда определить его местоположение. Как бы Алексей не был поражен и шокирован все же услышал нарастающий треск. Он направил дробовик на стремительно приближающуюся пустоту, которая раздвигала, подминала и гнула все на своем пути. Алексей нажал на спусковой крючок в тот момент, когда их разделяло всего несколько метров. Громыхнуло. Багровые брызги разлетелись в стороны. По траектории кровавого пятна, Алексей понял, что мутант продолжает движение в его сторону и снова нажал на курок. Снова громыхнуло. Что-то невнятное, просвечивающееся промелькнуло справа, ударилось в бревна, отлетело и грузно повалилось. Черная пыль кружила в неподвижном воздухе и ложилась на проявляющегося кровососа.

Гриф остановился возле первого убитого мутанта, задержался на несколько секунд, убедился, что тот мертв, прошел мимо остолбеневшего Алексея ко второму кровососу. Тот еще шевелился и взрыкивал, подтягивая живот. Из пасти, обрамленной шевелящимися червями, толчками вытекала густая темно красная, почти черная кровь. Сталкер направил ствол в голову и хладнокровно закончил дело. Тварь затихла.

– Как я их, – выдохнул Алексей, скривив рот в глупой ухмылке. Двух кровососов за раз. Кто в такое поверит?

– Недурно, – поддержал его сталкер, – прямо в голову. Ты это... пока стоим, дробовик все же заряди.

Алексей тупо посмотрел на СПСА и минуту о чем-то соображал. По его лицу было видно, как туго крутятся и сбоят в голове шестеренки, как он чего-то недопонимает, но хочет разобраться. Потом дернулся и стал хлопать себя по карманам, где мирно покоились нераспечатанные коробки с патронами. Затем медленно поднял голову и посмотрел на Грифа: «Так это...».

– Не бери в голову, Салабон. В зоне не главное, кто первым выстрелил, кто кого перехитрил, кто попал, кто нет, а главное остаться в живых. И постарайся больше не лажать, – последние слова Гриф произнес резко.

Неговоря больше ни слова, Алексей достал из карманов патроны, опустил на колено и принялся снаряжать магазин. Пока засовывал боеприпасы в трубчатый приемник, о чем-то напряженно думал. Потом встал, повернулся к Грифу, который в сторонке тянул сигаретку и сказал: «Ты, Гриф, когда в следующий раз будешь ну... использовать меня вместо приманки, говори. Я не буду спорить, только ставь в известность, чтобы я был готов».

Храня молчание, Гриф сделал еще пару затяжек, щелчком отправил окурок в лужу студня. Тлеющая сигарета потонула в ней, словно в ртути. Студень завернул ее с краев и сомкнулся гладким зеркалом. Гриф обернулся, мельком взглянул на Алексея и зашагал в обход хутора.

Глава 8. Маловато будет

– Ай да выстрел! Ай да молодец! – послышался возглас. Гриф резко остановился, повернулся на голос, палец лег на спусковой крючок. Он увидел фигуру в длинной брезентовой егерской куртке, приближающуюся знакомой вразвалочку походкой. Гриф не стал акцентировать внимание на Цимусе, быстрым взглядом «прошерстил» ближайший кустарник, обгорелый остов сарая, поросшую бурьяном канаву, холмы и впадины. Кажется, Цимус был один. Гриф убрал палец с курка, скрестил руки на ствольной коробке.

Алексей заинтересованно разглядывал приближающегося сталкера, словно, перекатывающегося на косолапых коротких ножках. Тот широко и добродушно улыбался, приветственно махал рукой. На плече висела полуавтоматическая винтовка М-16. Сталкер был налегке, казалось, вышел прогуляться и освежить мысли.

– В голову. Главное в голову, – он нравоучительно «помешал» пальцем воздух и указал на Алексея, – даже такая неубиваемая скотина, как кровосос, не переносит железо в черепе. Копыта на раз откидывает. Всем целясь в голову. Только в голову, если не хочешь проблем. Прямо в бункер, – Цимус постучал указательным пальцем себе по лбу. – Пристально посмотрел на Алексея. – Как кликать тебя, хлопец?

Повисла неловкая пауза. Алексей стрельнул взглядом на Грифа и пробурчал: «Салабон».

– Круто, – восхитился Цимус, – такой молодой, а уже Салазар. Прямо как пират, – перевел взгляд на Грифа. – Чем это он заслужил?

– Не Салазар, а Салабон, – четко проговорил сталкер.

– А-а-а, – протянул Цимус, посмотрел на Алексея, – будешь стараться, может, и на самом деле Салазаром станешь.

И тут же переключился на Грифа, – Хорошо стреляешь, Гриф, – протянул руку для рукопожатия.

– Ты чего раскаркался? – спросил Гриф негромко, продолжая «тралить» взглядом окрестности, нисколько не замечая раскрытой ладони.

– А я это, – нисколько не смутившись, говорил Цимус. Он широко улыбался какой-то скользкой, заискивающей улыбкой, словно это и вовсе была не улыбка, а обманка, как у рыбы клоуна глаз на хвосте, – прохожу мимо, слышу выстрел. Сразу просек, что с «абакана» палят. – Он повернул голову к Алексею. – У него первые две пули вылетают одна за другой с разбежкой в доли секунды и выстрел слышится почти как один, только с такой малюсенькой протяжкой. Тыдыщ, – изобразил Цимус и продолжил. – Я на выстрел метнулся, думаю, мало ли что, – теперь он «прыгал» взглядом с Грифа на Алексея, и если последний его внимательно слушал, то Гриф – едва ли. Он все «рыскал» взглядом по округе, – вдруг, кто из братишек в беду попал, какая тварь сталкера рвет, или бандюганы, душегубы проклятые, хабар отнимают, – не умолкал Цимус. – Думаю, уж оказался по близости, так чего не помочь. Правильно говорю? – он заулыбался еще шире, хитрые глазки заискрились в узких щелках. Он шагнул и по-свойски хлопнул Алексея по плечу.

– Ну, да, – согласился смущенный Алексей.

– Чего, сталкер, напрягся? Свой я. Правда, Гриф? – Цимус снова хлопнул Алексея.

– Свой, свой, – Гриф внимательно и не по-доброму посмотрел на Цимуса, – ты говори, чего хотел. А то нам идти надо.

– Куда енто намылились? – у Цимуса брови полезли на лоб.

– Много будешь знать, последние волосы потеряешь.

Только сейчас, когда Гриф обратил внимание на это обстоятельство, Алексей заметил, что из-под вермахтовского кепи выбиваются жидкие волосенки, что могло стать последствием сильного облучения или химического воздействия.

– Ай, Гриф, – Цимус озорно прищурил глаз и погрозил пальцем, – все бы тебе шутки шутить. – Он широко отвел руку назад, шагнул к сталкеру с намерением хлопнуть его по плечу, но Гриф посмотрел так, что у того не возникло желания настаивать.

– Че ты как хмурь болотная, – Цимус перестал улыбаться и даже, как бы обиделся, – и без тебя тошно, порой неделями слова человечачьего не услышишь, кроме бандитских харь да морд мутанских лица нормального не встретишь. И на тебе, ни поздороваться, ни обняться, ни словом добрым перекинуться.

– Ты все сказал? – спросил Гриф.

– Да, ладно, топайте, куда вам там надо, – Цимус повернулся к Алексею, – давай, старичок, удачи тебе, мутантов – вегетарианцев, рентген поменьше, плоть помягче, зоны покров и смерти быстрой, – протянул руку и когда заполучил Алексееву, притянул его, обнял и побратски похлопал по спине. – Возвращайтесь с хабаром.

– Все, Цимус, кончай эти сопли, – Гриф брезгливо скривился.

Едва за пригорком скрылось пожарище, как на запястье Грифа завибрировал ПДА. Сталкер посмотрел на экран. Мигала иконка непрочитанного сообщения. С дурным предчувствием, связанным со скверными новостями, карающими его в последнее время, открыл сообщение. Оно оказалось набором непонятных иероглифов. Гриф наморщил лоб, секунду – другую пытался понять тарабарщину, затем погасил экран. Некоторое время они шли молча. Алексей впереди, Гриф следом. Сгоревший хутор остался позади и Алексей заговорил, посчитав, что Цимус их точно не услышит.

– Чего ты с ним так ну... не по-товарищески? Человек к нам со всем сердцем...

– Нет у него сердца, – перебил Алексея Гриф, – он не помочь братишкам – зайчишкам шел, а хотел под шумок в спину пульнуть, да грабануть. А когда увидел, что мы пустые, передумал, решил заболтать да разведать, куда енто мы намылились. Тварь он паршивая.

Цимус смотрел вслед сталкерам, держал руку в кармане куртки и улыбался. Вот сталкеры оставили за собой последний поросший холм, избу и по тропе спустились в ложбину. Он махнул им на прощанье, и улыбка стекла с лица. Цимус широко открыл и закрыл рот, разминая мимические мышцы, непривычно долго пребывающие в неудобном натяжении. После чего сплюнул и зашагал в сторону леса.

– Все пучком? – такими словами его встретил рослый сталкер, на котором чистая, выглаженная подогнанная амуниция сидела, словно «парадка». Он стоял, привалившись плечом к березе, с подозрительно серой, местами полопавшейся корой, с черными блестящими бусинами смолы.

– На твоём месте, Кислый, я бы отошел от деревца. С веток накапает, замучаешься потом язвы выводить.

– Ты, Цимус, за меня не переживай. Скажи лучше, все сделал как надо?

– Сделал.

– Бреши, – подал голос, сидевший неподалеку на корточках с СВД на коленях сталкер. В маскировочном комбинезоне он сливался с окружающей растительностью, и только лицо выдавало его присутствие.

– А ты бы заткнулся, Тарантино, – проскрежетал Цимус и зло зыркнул.

– Сам, сука, заткнись, – Тарантино резко и легко встал. Невесть откуда взявшаяся в руке Цимуса «фора», заставила его остановиться.

– Тихо, придурки, – прорычал Кислый. – Убери вольну, Цимус. Мы за тобой смотрели, и нам показалось, что Гриф не дал тебе повесить на себя жучка.

– А что по-вашему это? – Цимус убрал в правый карман пистолет, а из левого достал небольшое устройство с ЖК монитором и нажал на кнопку. Экран вспыхнул зеленым полем, разлинованным на квадраты, в верхней части пульсировала ярко-зеленая точка. Кислый про-

тянул руку, Цимус не замедлил отдать сканер. Некоторое время сталкеры смотрели на еле – подвижную, пульсирующую метку.

– Он больше отмычку мацал, – заговорил Тарантино, – на него и ляпнул маяк. Он специально к нам спиной становился, чтобы мы не просекли.

Цимус медленно обернулся, презрительным взглядом окатил Тарантино: «Ты, плесень...».

– Хватит лаяться, – снова развел по углам драчунов Кислый. – Вот как сделаем. Так как мы не уверены, что ты, Цимус, все сделал в точности, как было обговорено, свою долю получишь после, когда Гриф вернется. Тогда уже точно будет ясно, кто симофорит.

– Так не пойдет, – воскликнул Цимус, запуская руку в правый карман. – Договаривались же – деньги сразу... – Но быстро сдал позиции. «Фора» осталась на месте. Два ствола, направленные ему в грудь, весьма веско убеждали, чтобы он не делал глупостей. Цимус их не делал. Медленно вынул руку, поднял, показывая пустую ладонь. Глядя на хмурые лица, он вдруг понял, что неплохо было бы вообще уйти отсюда живым. Дело он сделал, и теперь эти двое в нем не нуждаются. Или, все же нуждаются?

– Цимус, – Кислый сквозь ухарский прищур глянул куда-то в сторону, голосом невозможно уставшего человека сказал, – ты сейчас пойдешь, куда глаза глядят. И встретимся мы с тобой, когда вернется Гриф. В этом промежутке лучше на глаза не попадайся.

– Кислый, – как-то без вдохновения забубнил Цимус, – а если Гриф не вернется? Я же сделал свою работу.

– Гриф вернется, он всегда возвращается. В знак нашей старой дружбы, максимум, что могу обещать, так это оплатить твои труды в любом случае. То есть, мне надо убедиться, что свою часть сделки ты выполнил добросовестно.

– А если «клипса» отвалится, или Гриф ее заметит, или мутант...

– Тогда пеняй на себя. Ты цеплял, ты и отвечаешь.

Цимус больше ничего не сказал. Он посмотрел на сталкеров, развернулся и, руководствуясь дельным советом, пошел, куда глаза глядят.

– Надо было гниду грохнуть, – сказал Тарантино, когда сталкер скрылся в зарослях.

– Он еще понадобится. Ценный кадр в своем роде. Такого электронщика еще поискать надо. – Кислый закурил. Попыхивая «мальборо», снова заговорил. – Я поверить не мог, что Гриф поперся за катушкой.

– Я тоже не верил. – Тарантино подошел и жестом показал, что тоже хочет закурить. Кислый дал ему пачку. – Гарик сказал, что собственными ушами слышал, как отмычка ему толковал про карту. А после выброса Гриф вдруг спешно отваливает с базы и в своей берлоге экипируется на дальняк.

– Да-а-а, – задумчиво протянул Кислый, скрестил на груди руки, – обвесился наш стервятник не по-детски и молодого снаряжил. Точно за катухой двинули. Как пить дать. Ничего, мы дождемся, и тогда их хабар станет нашим, – Кислый подмигнул подельнику.

– Попролам, как договорились, – уточнил Тарантино.

– А как же, попролам. Ты точно про это никому не сболтнул?

– Обижаешь, – Тарантино ухмыльнулся.

Кислый ухмыльнулся в ответ, а в следующее мгновение раздался выстрел. Смертельно раненый Тарантино грохнулся на спину, из раскрытого рта лениво тянулся не выдохнутый дымок. Кислый убрал «беретту» обратно в боковую кобуру, склонился над мертвецом. Взглядом задержался на аккуратной дырке во лбу, после чего из полураскрытой ладони недавнего компаньона забрал свою пачку сигарет, сунул в нагрудный карман. Затем сдернул с плеча покойника ремень и рывком высвободил винтовку из-под неподвижного тела. Выпрямился, сделал затяжку, посмотрел по сторонам, еще раз взглянул на мертвого сталкера, сказал: «Я тут

подумал – пополам меня не устраивает. Маловато будет, – помолчал и добавил, – да и болтливый ты, браток».

Глава 9. Выброс

Они прошли с километр, когда ПДА вновь напомнил о себе.

– Да что на самом деле, – возмутился Гриф. Пару секунд он смотрел на экран, не веря глаз своим. На середине монитора пульсировал череп с костями, а под ним подпись «ВЫБРОС» и время с обратным отсчетом. Четырнадцать минут и двадцать шесть секунд, уже двадцать пять, таяли стремительно.

Гриф торопливо нажимал на кнопки, выводя на экран карту и выискивая укромное место.

– Что за дерьмо, – шептал он, увеличивая масштаб схемы, – только вчера...

– В чем дело? – с озабоченным лицом спросил Алексей.

– Так, Салабон, – Гриф, наконец, нашел, что нужно, – дуй за мной и не отставай. Скоро нас накроет выброс, – сталкер одернул рукав и быстрым шагом направился в сторону поваленной ЛЭП, вокруг которой валялись большими ржавыми кольцами провода.

– Выброс? – в изумлении выдохнул Алексей, – испуганно взглянул на небо. Оно было обычным – тоскливым и серым.

Гриф не отвечал, остановился, достал из кармана гайки и сосредоточенно стал метать по секторам.

– Мы куда?

– Здесь недалеко совхозный коровник, – не отвлекаясь, сказал Гриф. Очередная гайка угодила в аномалию, воздух пошел волной, и гайка с огромной скоростью улетела вверх. Сталкер принялся обкидывать аномалию, забирая вправо. – Иди за мной, шаг в шаг, – сказал он и швырнул очередную гайку вперед метров на семь. Та пролетела, соблюдая все законы физики, и благополучно упала в траву.

Они двигались осторожно, медленно. Алексей делал, как было сказано, время от времени скидывал голову и всматривался в горизонт. Небо постепенно темнело, наливалось свинцовой тяжестью, чем рождало в его душе тревогу.

А когда они, наконец, обошли трамплин из-за леса послышался отголосок раскатистого грома. Алексей обернулся. Он увидел кровавые всполохи под тяжелым, казалось, готовым обрушиться, небом. Внутри у него все сжалось в тугий комок, в ногах возникла неприятная слабость. Беспокойство, что они не успеют, переросло в страх.

– Не отставай, Салабон, – громкий окрик выдернул Алексея из созерцательного оцепенения.

– А-а, – выдохнул Алексей и вприпрыжку кинулся догонять. «Я отстану! Гриф уйдет без меня!». Сердце забило гулко и сильно.

– Стой, придурок!!! – жуткий вопль заставил Алексея замереть на месте. Вытаращенными глазами он уставился на сталкера.

– Скотина безмозглая, кусок дерьма радиационного! – распаялся Гриф. В пятидесяти метрах впереди, за его спиной виднелся низкий, вытянутый с шиферной крышей коровник. – Я же сказал, след в след! Куда ты ломишься, как кабан недорезанный!

– Ну, я... – Алексей замолчал, обернулся и посмотрел туда, где бушевали всполохи, и темные тучи затягивала небосвод.

– Не спеша, след в след, – спокойно говорил Гриф. – Я тебя жду.

Алексей сглотнул, взглядом нашел цепочку примятой травы и осторожно пошел по следу. Гриф дождался, пока Алексей приблизится и снова принялся метать гайки. Хотя местность прилегалась к сталкерской тропе, на картах помечалась аномальной зоной, а значит, требовала особого внимания и осторожности.

Гриф слышал громыхание с севера, видел, что творится с небом, знал, что случится с каждым, кто не найдет убежище до выброса, но так же он знал, как затягивает и рвет карусель, как скручивает, словно бабы выжимают белье, мясорубка, как трамплин подбрасывает вверх, как студень делает из человека желе, как синька обглаживает до костей, да чего он только не насмотрелся в зоне за шесть лет, и усвоил железобетонно одно: не надо торопиться на тот свет. У них еще есть немного времени и теперь, главное, не суетиться.

Стало совсем темно, от громыхания в небесах сотрясались внутренности. На коже ощущалось легкое покалывание, воздух загустевал, становилось трудно дышать. Когда они достигли коровника, Алексей физически ощущал, как радиоактивные нуклиды пронизывают его тело.

Детектор на поясе у Грифа пищал не умолкая. Сейчас, когда надвигался выброс, от него не было толку. Сталкер быстро кидал гайки, лихорадочным взглядом впивался в траектории и делал шаг. Он двигался вдоль стены к покосившимся воротам. Метрах в тридцати справа через грунтовую дорогу заметил поросшую травой насыпь. Сквозь стебли и листья виднелась черная дыра. Очередной всполох, очертил ровными краями дверной проем. Гриф резко поменял курс, и следующая гайка упала уже на грунтровку.

Несколько гаек исчезли в траве перед дверным проемом. Хотя их баллистика не вызвала подозрений, Грифу не понравилась примятая трава на поросших ступенях, ведущих, по всей видимости, в погреб. Более того, левее метрах в трех валялись куски растерзанной плоти. Складывалось впечатление, что некое существо, сейчас уже трудно сказать какое, угодило в карусель.

Сзади громыхнуло так, что заложило уши, а мощный всполох вытянул черные тени. От толчка в спину Гриф влетел в темное, пахнущее сырой землей, помещение. В следующее мгновение он развернулся, схватился за толкавшую его руку и с силой швырнул в темноту: «Козлина труханутая, – скрежетал он во мраке, – от страха последние мозги растерял. Еще так сделаешь я тебе их к чертям вышибу».

– А-а-а, – послышался в темноте болезненный вскрик, затем глухой удар.

– Там же выброс, – жалобно простонал Алексей и умолк. Тем временем Гриф включил фонарь, и принялся обследовать помещение. Немного отдышавшись, Алексей заговорил вновь.

– У меня кожу щиплет, словно кислотой облили, а мозги печет, как будто в череп угля насыпали. Ну...я немного и того...струхнул. И что такого? Зачем так швырять? Чуть руку не сломал.

Гриф не обращал на Алексея внимания, шарил лучом по кирпичным стенам, бетонному замусоренному полу, беленому, с черными разводами, шелушащемуся потолку. Его внимание привлек стеллаж у правой стены, где поблескивали какие-то объемные металлические предметы. Он сделал шаг в ту сторону и услышал яростный шепот из темноты: «Гриф, здесь кто-то есть, – шепот перешел на жалобное подвывание, – прямо рядом со мной».

Луч фонаря быстро метнулся на голос. Гриф увидел следующую картину: Алексей сидел на грязном полу спиной к стене, а рядом в полуметре упирался задом в угол здоровенный слепой пес. Мутант уставился на Алексея своими незрячими глазами, скалился и утробно рычал. Морда его была свирепой, особенно немалых размеров желтые клыки на фоне изъеденных язвами десен. Шерсть на загривке стояла дыбом. Алексей косился на него, выпрыгивающими из орбит глазами, не смея шелохнуться.

Гриф сразу сообразил, кто наследил у входа и предположил, что изначально псов было двое. Мутанты редко попадают в аномалии, но спешка и страх перед выбросом заставили одного из них совершить ошибку. Снаружи снова громыхнуло, прямо над амбаром. Да так, что содрогнулись стены.

– Спокойно, Салабон, – сказал невозмутимо Гриф, – если бы он хотел тебя тяпнуть, то уже бы это сделал. Он, как и мы спасает свою шкуру.

– Пристрели его, – пропищал Алексей, потя от ужаса. Капля пота скатилась меж бровей по переносице и затекла в глаз. Алексей сильно зажмурился, преодолевая жжение.

– Пока мы его не трогаем, – продолжал спокойно вещать Гриф, – он не намерен трогать нас, тем более, что нас больше. Мы заключим перемирие на время выброса и потом разойдемся, каждый по своим делам. Ты, Салабон, давай без резких движений, потихоньку отползай, а я тебя подстрахую. Думаю, мутант поймет наши намерения и не вцепится тебе в глотку.

Алексей сглотнул, с мольбой посмотрел на сталкера.

– Давай, – с железной ноткой в голосе проговорил Гриф.

Миллиметр за миллиметром, не сводя перепуганных глаз с оскаленной пасти, Алексей двинулся по стене. Когда отполз на два метра, быстро перекатился, сдернул со спины дробовик, направил на пса.

– Убери пуху, – сдержанно, но твердо потребовал Гриф, – в убежище никто не умрет, это как в Африке во время засухи – что-то вроде водяного перемирия.

Алексей посмотрел на сталкера. Спокойствие и уверенность Грифа передались и ему. Он опустил помповик, встал на ноги: «И что мы будем здесь с ним делать? А если выброс продлится не один час и нам придется заночевать?».

– Будем спать по очереди, – сказал Гриф, переместил луч фонаря на стеллаж и направился в ту сторону. Оказавшись в темноте, Алексей поспешил за сталкером, по дороге доставая из рюкзака свой фонарь. Слепой пес, тем временем, перестал скалиться, облизался, повертелся на месте, лег, положил морду на лапы.

Глава 10. Убежище

Блестящие предметы на стеллаже оказались пустыми железными ведрами. Рядом в углу штабелем до самого потолка висели сборные железные ящики под корнеплоды. Ничего больше в амбаре не обнаружилось. Гриф вставил фонарь в специальный держатель на разгрузке, стянул пару ящиков на пол, сел сверху. Из нарукавного кармана достал целлофановый со спичечный коробок пакет. Высыпал на ладонь грамм пять зеленого порошка, ссыпал под язык. Лицо его скривилось от оскомины.

Над головами снова гроыхнуло, всполох на мгновение озарил амбар. В ярком квадрате, протянувшимся до стены, гнулись тени трав, словно вырезанные из черной бумаги.

У Алексея не было крепежа под фонарь и он держал его во рту, пока стягивал ящики.

Гриф выключил фонарь, прислонился спиной к кирпичной прохладной стене. Боль в правом боку была еще терпимой, но он знал, без «ударных аккордов» не обойдется. Приближение приступа он ощутил, когда покинули сгоревший хутор.

Анестезирующий холодок растекся по рту. Гриф закрыл глаза, сказал, немного картавя и сглатывая слова: «Харе батареи сажать. Выруби фонарь».

– А он? – спросил Алексей.

– Выброс скоро кончится, и он уйдет.

– С чего ты взял, что скоро кончится?

Гриф ничего не ответил. А в подтверждение его слов скоро гроыхнуло, уже южнее и глуше. Они сидели в темноте, прислушивались к стихии, к сварливому бормотанию зоны, к смерти, расхаживающей по проклятым землям и собирающей неприкаянные души сталкеров, которые не успели забиться в щель, вдавиться в трещину, зарыться в звериную нору или подлезть под плиту.

– У меня мать с отчимом не просыхают, – заговорил Алексей негромко. Голос его прозвучал сухо. Он подумал, что неплохо бы воды глотнуть, но передумал. Он с самого начала знакомства с Грифом искал момент, чтобы рассказать ему о своих веских причинах оказаться в зоне. Ему казалось важным, чтобы Гриф об этом знал. Без суеты, в темноте, не видя бесчувственных глаз, он мог собраться с мыслями, а точнее набраться смелости.

– У нас деревня вся такая, – продолжил Алексей, откашлявшись. – Из двухсот дворов осталось пятнадцать. Работы нет, кто порукастей, да пошустрее по городам двинули. А лодыри да алкашня остались. Скучковались и вот ходят по домам, считают, чья следующая очередь гостей принимать. – Алексей замолчал, вспомнил, что творилось в Яваршино, тяжело вздохнул и заговорил вновь. – У Старчаков трое ребятишек дома осталось. Родоки на сабантуй к соседям свалили. А им холодно стало. По осени дело было. Печку разожгли и легли спать, а заслонку не выдвинули. Пьяные Валька с Сашком пришли под утро, а дома дым коромыслом. Леха с Толиком и Иришкой очоченели уже. – Алексей шмыгнул носом, рукавом вытер сопли. – Я увезти их хочу. Бабулю с мамкой. Она раньше не пила. Это Колян ее тянет. А бабуля слепая. Катаракта у нее на оба глаза. Вылечить хочу. Дом где-нибудь куплю в месте, где деньгу зашибать можно. У меня права есть, шоферить умею. И мамку устроить бухгалтершей надо. Она раньше в нашем совхозе главбухом была. – Алексей замолчал, прислушиваясь к ровному дыханию слева. – Гриф, ты спишь?

– Нет, – не сразу ответил сталкер, подумывая, не притвориться ли и правда спящим. По большей части «отмычки» мечтали о разном, но в то же время об одном и том же. Все они с удовольствием делились планами, когда с мешком денег из зоны воротятся: о тачках пантовых, о виллах на побережьях, о курортах, о жирной, ленивой жизни, о дорогих безделушках, о «тельчах», об униженных врагах, как весь мир крутить будут и ничего у них не отвалится.

Попадались, правда, и оригиналы. Один колышек мечтал о своем тату – салоне, хотя кожа его была девственно чист. Гриф поначалу ему даже не поверил. Другой пошел в зону, чтобы заработать тугриков на бюст своей сожительницы. Уж очень он по этому поводу убивался. Всю дорогу только и болтал о сиськах, пока вконец не достал Грифа и тот решил – дешевле пустить его в мясорубку, чем тащить еще пятнадцать километров до Агропрома.

В амбаре повисла тишина. Где-то в отдалении громыхал и зверствовал выброс. Из угла, где лежал слепой пес, послышался тяжкий вздох. Темнота сразу сделалась неудобной. Алексей обернулся, ничего не увидел. Поборол желание включить фонарь и заговорил вновь: «Больше всех бабулю жалко. Ее пенсию мать с Коляном пропивают. Я-то ладно, могу и день, и другой без харчей, а бабуля слабая. Только куры и спасают. Я с Коляном справился бы. Несколько раз схлестывались, да дружков у него целая деревня. Разок так мне бока намяли, что я в больницу загремел. А пока там валялся, бабуля чуть с голоду не померла. Они ее вместе с кроватью в курятник переселили, чтобы не кряхтела и еды не просила. Хорошо, что не в сарай. Она там сырые яйца пила. Она не мамкина мать, а отцова. Обуза она им, терпят только из-за пенсии. Отца я не помню. Бабуля говорила, что он под косилку попал. Пьяный шел с реки...

– Тихо, – Гриф перебил Алексея. Парень прислушался. Громовые раскаты были едва слышны, а в амбаре стало как будто светлее. В полумраке уже можно было различить лежащий в углу темный комок. Слепой пес поднял морду и пристально смотрел через дверной проем, словно тоже прислушивался к происходящему снаружи.

– Вроде закончилось, – сказал Гриф, встал и прошел к выходу. Некоторое время стоял, прислушивался, всматривался. Затем развернулся на каблуках, отошел к стеллажам, достал пистолет и несколько раз выстрелил в сторону пса. Пули ударились в стену, выбивая крошку. Мутант взвыл, подпрыгнул на метр, кинулся бежать, но врезался в стену, отскочил.

– Тупая скотина, – процедил Гриф, подбежал и пнул пса в зад, придавая ему направление в сторону выхода. Пес зарычал, оскалится, клацнул зубами, но задерживаться в погребке не стал. Гриф убрал пистолет, подошел к выходу, проследил его путь: «Давай, Салабон, поднимай крестовину и дуй за мной, а то, не ровен час, карусель нам выход перекроет».

Глава 11. Откровения

Они вышли на тропу. Гриф держал путь на «крест Брома». Мимо проплывали унылые осенние пейзажи, вздыбленная земля, вдали, словно соломенные конусы возвышались мачты ЛЭП.

– Ты пса специально оставил, чтобы после выброса запустить «отмычкой»? – поинтересовался Алексей, шествуя первым.

– Угу. Давай вон на тот пень двигай, – сказал Гриф и указал пальцем.

– А про перемирие это треп? – допытывался Алексей.

Гриф не отвечал, и Алексей обернулся. Сталкер шел следом, повернул голову и смотрел куда-то в сторону. Алексей проследил за его взглядом. Деревья, кусты, вся растительность коричнево-багряного леса стояли нагими. Ни одного листочка, словно его долго трясли и обдували. Опушка была засыпана трухой рыжего цвета, а там, где стояли раньше деревья, высились остроконечные пирамиды этой самой трухи.

– Что такое? – спросил Алексей.

– Хрен его маму знает, – ответил Гриф с озадаченным видом, – что-то с зоной происходит.

Они шли и смотрели на лес, пораженный неизвестной заразой. Лес казался не то что больным, а мертвым уже сотню лет и от древности его кости рассыпаются в прах.

– Может, посмотрим поближе? – спросил неуверенно Алексей.

– Нет, – отрезал Гриф, – мы лучше противогазы напаялим от греха подальше, – и полез в противогазную сумку. Через минуту они шли в прежнем строю, но уже в средствах индивидуальной защиты: Гриф в ПМК – 3 с обтюратором, с обзорным очковым узлом, с переговорным устройством, приспособленным для приема воды, с фильтрующим элементом слева на маске. Алексей в советском широко известном МО – 4 (малый общевойсковой) с гофрированным шлангом, который в данном случае свободно болтался на маске. Алексей отдаленно напоминал снарка и если бы не ПМК-3, то он мог бы заметить на лице сталкера веселую улыбку, которая становилась шире, стоило тому посмотреть на раззяву.

Они прошли метров двести, когда Алексей заподозрил что-то неладное. Он резко остановился, поймал болтающийся конец шланга, поднес его к глазам. Несколько секунд смотрел, а затем спешно принялся прикручивать к бачку. Покончив с неисправностью, Алексей вновь зашагал по тропе. Он повернулся в пол-оборота, как бы заинтересовавшись чем-то вдали и украдкой взглянул на сталкера, не заметил ли тот конфуза? Гриф смотрел в сторону и давился смешком. Не прошло и минуты, как задыхающийся Алексей, стянул с головы маску с запотевшими стеклами, обернулся к Грифу и сказал: «Противогаз неисправен».

– Что такое? – сталкер подошел к Алексею.

– В нем невозможно дышать.

– Так ты ж, дубина, – сказал Гриф приглушенным маской голосом. Алексей вопросительно уставился на него.

– Заглушку из бочка вынь. – Сталкер зашагал вперед, а Алексей переместил противогазную сумку вперед, рукой пошарил по днищу бочка. Резиновая пробка затыкала входное отверстие.

Едва Алексей нагнал сталкера, как тот «протрубил» отбой и стянул маску.

– Заруби себе на носу, – говорил Гриф, убирая противогаз в сумку, – кроме тебя самого, о тебе в зоне никто не позаботится. Научись надеяться только на себя, проверять оружие и снарягу заранее, а так же продумывать маршрут и правильно взвешивать свои силы. Зона если прощает ошибки, то с тяжелыми последствиями. Будь там в воздухе какая-нибудь отравка, сейчас ты лежал бы мертвяком, медленно разлагался, а на душок скоро бы подвалили крысы или

слепые псы. Вот бы ты их порадовал. – Гриф отвернулся, хотел было идти дальше, передумал и снова обернулся к Алексею, сказал: «Нет в зоне никакого перемирия. Просто научись выживать, Салабон».

Вечерело, когда они ступили на огромную площадку, заставленную длинными ржавыми рядами зараженной техники на спущенных, вросших в землю колесах, с задранными капотами, с разбитыми фарами, с порослью на кабинах и кузовах. Брошенные радиоактивные грузовики, самосвалы, бульдозеры, подъемные краны, тягачи, вертолеты, пожарные машины, трактора, военная спецтехника, скорые «батоны» и РАФы, танки, БМПэшки и прочий транспорт дожили свой век на свалке вдали от людей и жилищ, как чумные в карантинных отстойниках.

– Тихо. Слышишь? – Алексей остановился и замер. Сквозь постоянное потрескивание дозиметра он расслышал отдаленный рокот. Двигатель работал утробно, как у грузовика.

– Шагай, шагай, Салабон, – Гриф в спину подтолкнул Алексея, – здесь и не такое случается, особенно после выброса.

В подтверждение его слов вдруг в длинном ряду машин зажглась фара и тускло замерцала. Под каким-то капотом аккумуляторная батарея с распухшими стенками и осыпавшимися пластинами непонятным образом ожила и выдавала малосильные коматозные вольты. В надвигающихся сумерках все это слышалось и смотрелось зловеще. Вдобавок, слух уловил тонкий писк умирающего клаксона. Ощущая мороз на спине, Алексей старался ступать тише и все время озирался. Его привлек негромкий голос Грифа: «Давай – ка перейдем. И держись дальше от этого железа. Фонит, как незнамо что».

На перекрестке они перешли в другой ряд. Мимо проплывали брошенные машины, которые когда-то верой и правдой служили своим хозяевам. Слева, справа кривые бамперы, битые фары, лобовые стекла, задранные, словно раскрытые пасти капоты, оскалы радиационных решеток нагоняли на Алексея жуть.

Они шли посреди коридора из дорожных плит. В стыках клоками топорщилась сухая трава, мох расплзался зелеными плешинами. На открытом пространстве Алексей ощущал себя уязвимым. И слева, и справа, и с транспорта, и из-за транспорта, и из-под транспорта в любую минуту мог выскочить или того хуже, выстрелить, кто угодно. Алексей смотрел широко раскрытыми глазами и вертел головой. Его руки крепко сжимали дробовик.

– Стой, – скомандовал Гриф. Алексей остановился. Ничего подозрительного он не видел и не услышал: все те же машины, далекие завывания, рокот мотора, писк...

Один за другим, молча, они шли, еле переставляя заплетающиеся ноги, в разгрузках и с автоматами. Складывалось впечатление, что они кого-то поджидали и вот то ли увидели, или услышали, или унюхали, вышли из укрытия.

Крепкая рука дернула остолбеневшего Алексея вправо. Алексей встrepенулся и испуганно посмотрел на сталкера. Тот прижал палец к губам и потянул его за кабину ржавого КАМАЗа. Оказавшись за самосвалом, Гриф присел, осторожно выглянул из-за спущенного колеса.

Зомби топтались на месте и вертели головами, подозревая, что здесь не все так чисто, как кажется. Из ржавого ряда напротив, припадая и подволакивая правую ногу, вышел еще один. У него на шее висел АК и при каждом шаге стучался прикладом о магазин в разгрузке, издавая пустой пластиковый звук. Как и те двое, он был в военном обмундировании.

Что-то ухватило Алексея за лодыжку, и дернуло. Парень упал плашмя всем своим метр восемьдесят на плиту. Дробовик громко лязгнул о бетон. Алексей едва успел выставить руки, чтобы не приложиться физиономией.

Парочка справа, пребывающая в замешательстве, среагировала на шум и потащилась к КАМАЗу. Тот, что хромал, от противоположного ряда, не поднимая головы, вскинул автомат и веером пустил длинную очередь. Пули прошли высоко над головой Грифа. Продырявили

лобовое стекло и крышу кабины. Несколько пуль ударились в толстый металл кузова, отрикошетили с противным визгом.

– Твою мать, – сквозь зубы процедил Гриф и с первого же выстрела заставил существо, лишенное инстинкта самосохранения, опрокинуться навзничь и замереть с пробитым черепом.

Парочка справа все ускоряла шаг. Они тянули к плечу автоматы, а из-за ржавеющих машин выходили другие зомби. Громкие звуки непомерно разжигали их любопытство.

С вытаращенными глазами и выпрыгивающим из груди сердцем Алексей старался разобратся, кто его тянет. Поздние сумерки, а под днищем и вовсе темнота, мешали разобратся в шевелящейся, бормочущей массе. Подвывая, Алексей старался дотянуться до выпавшего из рук дробовика. От нахлынувшего ужаса он ощущал себя обернутым простыней, барахтающимся в чане с горячей водой. Вторая синюшная рука с вывернутым мизинцем, выползла из темноты, вцепилась в голень. Алексей взвыл, перевернулся на бок и свободной ногой попытался сбить захват. Он увидел в блеклом свете умирающего дня гладкую сферу с металлическим отливом, из-под которой на него смотрели вдавленные глубоко в глазницы блестящие бусины.

Алексей постарался попасть берцем по оскаленной роже. Нога с силой врезалась в каску, скользнула по гладким краям и ушла в пустоту.

– Гриф! – заорал Алексей, вскинув голову. Сталкер стоял на одном колене и методично отстреливал приближающихся зомбяков. Он не услышал и не обернулся. Алексей нащупала мыском ботинка щель между плитами и с силой оттолкнулся. Рывком дотянулся до дробовика. Трясущимися пальцами, передернул зарядный механизм и, не целясь, выстрелил куда-то вниз. От отдачи руки подлетели вверх, но оружия не выпустили. С опозданием Алексей вдруг испугался, что ранит себя. Обошлось. Боли он не почувствовал. Но и хватка мертвяка не ослабла. Алексей сел. Зомби подтянулся, раскрыл рот, намереваясь вцепиться ему в ботинок.

Ствол ходил ходуном, словно Алексея била лихорадка, глаза лезли на лоб. Он спустил курок. Дробь лязгнула по каске, резко, словно ударом доски, опустила голову нежити. Правая рука зомби получила часть заряда, растерзанная отлетела, как плеть. Тем не менее, мертвый контрактник упорствовал в своем намерении поживиться человечинной. И тут в голове у Алексея, словно переключился тумблер. Страх сменился злобой, переходящей в ярость. Он изменился в лице, сунул ствол прямо в мерзкую рожу и выстрелил. Башка брызнула кровавыми ошметками. Каска с железным дребезгом покатила по бетонной плите.

Судорожными движениями, испытывая омерзение, Алексей правой ногой скреб по левой, отдирая от голени скрюченные пальцы.

– А-а-а-а, – то ли стон, то ли невнятное бормотание привлекли его внимание. Алексей вскинул голову и увидел мертвяка. Тот вышел из-за соседнего грузовика и шел нетвердым шагом к нему. В защитных очках, с длинными слипшимися волосами, с забинтованной шеей, в рваном плаще, босой на одну ногу, он держал перед собой двустволку, направляя ее на Алексея. Алексей испытал мгновенное удушье ужасом, окаменел от страха. Он, не моргая, смотрел на пляшущую черную восьмерку в трех метрах перед собой. Синюшный палец с сорванным ногтем нажал на спусковой крючок. Раздался щелчок. Алексей вздрогнул всем телом, словно в конвульсии, зажмурился, втянул голову в плечи. Выстрела не последовало. Алексей с надеждой приоткрыл правый глаз. Второй щелчок заставил его снова вздрогнуть. Мгновение он вникал в суть событий, а потом понял – он жив, рок ему только погрозил пальцем. Зомби нависал.

Алексей вспомнил, что держит в руках мощное оружие. Вскинул его, но от страха и жуткой спешки, слишком рано нажал на курок. С перебитой ногой зомби повалился вперед. Алексей выставил перед собой СПСА. Пластиковое цевье с силой вошло в «рогатку» между челюстями, с хрустом кроша и выбивая зубы. Мертвяк выронил двустволку и теперь цеплялся за Алексея, стараясь притянуть его к себе. И он выигрывал это противостояние.

Зомби крутанул головой, высвобождая челюсти и, задирая подбородок. Дробовик соскользнул по шее ему на грудь. Мертвец тянулся к лицу парня, щелкал зубами, пускал кровавые слюни, выкатывал безумные глаза, надсадные хрипы вырывались из его горла вместе с гниющим зловонием.

Короткий выстрел решил противостояние. Ударом ноги Гриф столкнул с Алексея обмякший труп.

– Не разлеживайся, – по-деловому сказал Гриф, убирая пистолет, – сейчас сюда всякой мрази набегит. Поднимайся и чухай за мной.

Каждое движение Алексею давалось с трудом. Все силы он положил на борьбу с ожившими мертвецами. Чувствовал себя так, словно разгрузил вагон с углем. Раскачиваясь, волоча за ремень дробовик, пьяной трусцой Алексей поспешил за сталкером. Они напоминали уважаемого джентльмена, прогуливающегося прохладным вечером с озябшим мопсом на поводке.

В густых сумерках поднялись на железнодорожную платформу, зачем-то построенную среди поля. Колея заросла, и ее не было видно. Длинная площадка с навесом для ожидающих выглядела среди диких трав сюрреалистично. Впрочем, как и многое в зоне. Ржавое ограждение покосилось, вывеска с названием станции отвалилась, остались только два длинных столба.

Путники зашли в помещение кассы, осмотрелись. Узкое зарешеченное окошко в правой стене, под потолком небольшой пролом – надо думать дымоход, посреди комнаты кострище, у левой стены столешница, приспособленная под лежак, несколько пустых банок из-под консервов, окурки, обертки и над всем этим запах мочи.

Гриф сплюнул зеленоватую кашу за порог и сказал: «Здесь бросим кости». Стянул вещмешок, из бокового кармана извлек аптечку. Из гнезда под номером пять взял пенал белого цвета, высыпал на ладонь две таблетки. Одну кинул себе в рот, с хрустом разжевал, запил водой из фляги. Вторую протянул Алексею: «Проглоти».

Поймал недоуменный взгляд парня: «Это калия йодид от радиации. Мы на свалке лучиков нахватили». Затем они развели костер, разогрели сухпайки и плотно поужинали.

– Что-то с зомбьяками творится не то. Раньше они неприкаянные бродили, пока их кто-нибудь не пристрелит. А теперь засады устраивают. – Гриф раскурил сигарету, по-турецки сел на столешницу. – Явно с зоной что-то происходит не то, – сталкер замолчал. Из внутреннего кармана достал майку-карту, из кармана брюк вытянул серый лоскут. После чего состыковал их в оторванном месте. Некоторое время рассматривал картину в целом, впрочем, как и Алексей, затем поднял голову и спросил у парня: «Ничего не вспоминаешь?».

– Не а, – после недолгого молчания ответил Алексей.

– А физиономия моя знакома?

– Впервые вижу. Ну...вернее вижу-то не впервые, но до того, как встретил в баре на лестнице никогда раньше не встречал.

– А мне вот кажется по-другому. – Гриф проникновенно смотрел на Алексея. – И звездочка твоя между большим и указательным пальцем знакома, и личико, словно дежавю далекое, далекое, как бы ни в этой жизни. Тряпочка на штрипочке откуда-то взялась от маечки. А?

Алексей пожал плечами, затем сказал с улыбкой: «Может, все же к доктору?». И испугался своих слов. Сталкер вдруг изменился в лице и так посмотрел, что у него вновь возникло то нехорошее ощущение, которое он испытал при их первой встрече в баре – сейчас растерзает на месте. Но нет, обошлось. Гриф улыбнулся, а затем и вовсе засмеялся в голос. Робко, все еще не веря в искренность сталкера, а затем все смелее засмеялся и Алексей.

Когда отсмеялись, Гриф сказал: «Есть какая-то с нами история. Да-а-а. Неплохо было бы в этом разобраться. Но я даже не знаю, с какого края подобраться. Наверняка, рано или поздно ты тоже что-нибудь вспомнишь. Ты молодой, память посвежее моей будет».

Некоторое время они сидели молча, слушали, как потрескивают в костре доски. Где-то протяжно, тоскливо завыл черномыльский пес. Донесся визг плоти. Отдаленно грянул выстрел. С кордона слышался гулкий пулеметный перестук.

– Гриф, – спросил Алексей, – а ты как оказался в зоне?

Сталкер не отвечал, только его лицо как-то посерело, черты заострились, из глаз исчезла беспечная мягкость. И когда Алексей уже потерял надежду услышать ответ, тот заговорил: «По большей части добровольно сюда приходят люди, которые не нашли себе лучшего применения в той жизни, – говорил Гриф, спрятавшись за неподвижными стекляшками глаз, – а так же дураки и те, у кого не было иного выхода. Никаких денег не стоит жизнь и здоровье, которые сталкеры оставляют здесь. Глупо думать, что современные препараты бесследно выводят радионуклиды, что кратковременное пребывание здесь – безопасно. Все опасно. Я встречал таких, кто считает, что жизнь в зоне, как вредная привычка, как то курево, или пьянка, или наркота или работа на вредном производстве. Все забирает здоровье. Так лучше здесь сдохнуть, рискуя поймать удачу за хвост и остаток дней прожить по-королевски, а еще, может, и вылечиться. – Сталкер говорил, пронизывая невидящим взглядом пламя костра, расстояния, время. Он словно находился в трансе. – Только они забыли о душе. Они почти все приходят сюда незамаранными, а потом становятся убийцами. Зона их выворачивает, кроит и лепит под себя. Она препарирует мозги своими, так сказать, «мягкими» диалектическими методами, делает уродами, которым уже нет... Тихо». – Гриф встрепенулся. От резкого перехода почти мистического повествования к реалиям, Алексей вздрогнул и несколько мгновений нащупывал мир. Минуту они сидели неподвижно, прислушивались. Гриф зашевелился первым. Вырвал дотлевший окурочок, придавил тяжелым берцем: «Показалось».

Алексей с сожалением подумал, что откровение бывалого сталкера закончилось и он столько всего еще не услышал. Он стал в голове выдумывать вопросы, ненавязчивые, попадающие в настроение, чтобы вновь разговорить Грифа.

Гриф заговорил вновь без посторонней помощи: «Я так думаю, зона это своеобразный магнит, который притягивает тех людей, которые мешают, которые не нужны человечеству за периметром. Что-то их заставляет идти сюда, манит. Хотя они нацелены на богатства, знают, что на блюдечке с голубой каемочкой никто им его не преподнесет. Чтобы тугрики заработать, мало того, что придется незаконно пробираться через кордоны, рискуя схватить пулю, но еще и убивать. Мутантов всяких – это только поначалу, а потом и людей. И они это допускают. Значит, у них натура такая, хищная что ли. Такой вот заповедник убийц получается. И в конечном итоге все из-за бабла».

– А как же ученые? – спросил Алексей.

– Они не в счет. Они хотя и работают по двойному и тройному тарифу за вредность, все же в конечном итоге для науки стараются. И они никого не убивают. По крайней мере, собственноручно.

– Сталкеры тоже продают артефакты ученым.

– Продают, но они это делают для себя. Им все равно куда тащить «выворот» или, скажем, «медузу», лишь бы платили больше, хоть Бен Ладену, который с помощью арта город выжжет.

– Гриф, – Алексей рискнул воспользоваться благодушием сталкера, спросил, – как тебе удается выживать здесь. Столько сталкеров гибнет и удачливых, и осторожных. Мне рассказывали ты из таких передряг выбирался, что просто не верится...ну..., что такое возможно.

Гриф помолчал и сказал: «Много будешь знать, скоро состаришься. Дежурить будем по очереди. Ты первый». И все. Разговор прекратился вместе с решением сталкера его закончить.

Дежурство Алексея заканчивалось. Утомленный, время от времени позевывавший, он вышел из помещения кассы, завернул за угол, облокотился на хлипкие перила, медленным взглядом обвел окрестности, прислушался. Зона жила своей жизнью. Где-то там, в жидких

сумерках, выло, тьякало, ухало, подвывало, стонало. Слышались звуки далеких выстрелов, как в прифронтовой полосе.

Он вдохнул прохладный ночной воздух полной грудью так, что ноздри побелели. Немного осоловелый взгляд скользил по призрачному туманному мареву, низко стелющемуся над жухлой травой.

Его Алексей заметил не сразу. Казалось, уже несколько раз прошелся взором по этому месту, и ничего там примечательного не было. Прямо перед ним, буквально в четырех метрах на Алексея смотрели два круглых, больших глаза. По телу прошелся мороз, от страха и неожиданности Алексей оцепенел. Он не моргая, смотрел на два больших блестящих круга с темными пятнами посередине. Существо поняло, что замечено, зашевелилось и стремительно бросилось в его сторону. Это было нечто небольшое, размером с кошку, казалось слепленное из веток, коры и листьев. Обожженный приступом страха, Алексей дернул с плеча дробовик, но поздно. Мутант скрылся под платформой. Обеспокоенный, что тварь теперь невидима и может возникнуть где угодно, Алексей поспешил вернуться в помещение кассы. Встал у входа, оружие направил на дверной проем.

– Чем это тут запахло? – послышался сонный голос Грифа.

– Там это... хрень какая-то, – сказал Алексей, – вроде как куст ходячий. Глазищи у него с куриное яйцо, а бегают...

– Ложись спать, – оборвал его сталкер и зашевелился на столешнице, – я тебя сменю.

Глава 12. Чудны дела твои, Зона

Алексею показалось, что он только вот-вот закрыл глаза, а Гриф, сволочь распоследняя, уже будит: «Подъем, Салабон! На горшок, зубы чистить и в столовку!». Алексей не разделял бодрости, сквозившей в интонациях сталкера. Он чувствовал себя разбитым, не выспавшимся и глубоко несчастным человеком. Немного поправили эмоциональный упадок потрескивание костра и... в такое даже не верилось. Чтобы убедиться Алексей разлепил веки и сел. На полу, на расстеленном вафельном полотенце стояли две алюминиевые чашки и дымились запахом кофе. Алексей сглотнул: «Ну, товарищ сталкер, балуете вы меня».

– Сначала моцион, – Гриф притушил плотоядный огонь в глазах Алексея, – бутылка с водой на улице. Много не лей.

Когда заметно посвежевший Алексей вернулся, его ждал еще один сюрприз. На алюминиевых тарелках лежали кусочки жареного мяса в обрамление гарнира из консервированной гречки. Для полноты картины нехватало зеленушки и ломтя деревенского хлеба. Если не вникать в анатомические подробности, выглядело жаркое очень аппетитно.

– Что за зверь? – спросил Алексей, подсаживаясь к столу.

– Это вкусняшка, жуй, не бойся, – снисходительно ответил Гриф, присаживаясь рядом.

– Вижу что не кашка, а все же?

И, не дожидаясь ответа, с аппетитом набросился на угощение. Не отрывая голодных глаз от куска, пачкая рот и руки, Алексей уплетал за обе щеки. Покончив с основным блюдом, сытые и благостные они приступили к кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.